Юлия Жукова
В семье не без подвоха
Фантастика • Любовный роман • Юмор

Юлия Борисовна Жукова

В семье не без подвоха

Серия «Замуж с осложнениями», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8739677
В семье не без подвоха: Роман: Альфа-книга; Москва; 2014
ISBN 978-5-9922-1888-6

Аннотация

Вместе с любимым человеком, к счастью или к несчастью, неизбежно обретаешь его семью. Удачное это приобретение или нет, покажет время, а пока с ним надо считаться и выстраивать отношения. Даже если твой муж – Император, а в гости частенько наведываются боги и демоны, никто не отменял притирок и сложностей совместной жизни. Особенно когда оказываешься матерью не одному маленькому принцу…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 23
Глава 4 32
Глава 5 40
Глава 6 50
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Юлия Жукова
В семье не без подвоха

Глава 1

Когда Азамат рассказал мне, что названия месяцев на Муданге происходят от архаичных имен разных богов и каждый месяц посвящен своему богу, мне не потребовалось ни заглядывать в календарь, ни обращаться к Старейшинам, чтобы предсказать, что рожать я буду на стыке месяца Укун-Тингир и месяца Ирлик-хона. Сезоны на Муданге неравной длины: весной и осенью по пять месяцев, а летом и зимой по шесть, только зимой еще несколько дней съедаются, потому что год составляет немножко меньше двадцати двух месяцев. Ну, или потому, что бог стужи, на которого приходится третий месяц зимы, – карлик. Тут уж кому какое объяснение ближе. Укун-Тингир посвящен пятый месяц лета, потому что это самое урожайное время в северном полушарии, в котором лежит бóльшая часть муданжского континента. Конечно, раз лето такое длинное, в принципе растительность приносит по нескольку урожаев в сезон, но все же месяц Укун-Тингир – это пик изобилия. Ну, а Ирликом, понятное дело, все заканчивается, потому что он ведь крадет солнце. Равноденствие выпадает приблизительно на последний день лета, и после этого дни становятся короче ночей, к тому же весь месяц муданжские луны проскальзывают по небу еще до заката, а ночью воцаряется беспросветная тьма. В этот месяц муданжские дети, собираясь в пустующих по ночам клубах, рассказывают страшилки, а молодежь развлекается гаданиями и прочей ворожбой, примерно как у нас на Святки. В это же время активизируется разнообразная нечисть, которая боялась показать нос, пока грозная Укун-Тингир приглядывала за планетой в свой месяц.

Вот и лежу я теперь в шезлонге на веранде с видом на искрящиеся в полуденном солнце воды Дола, слушаю, как Азамат воркует над колыбелькой, и вроде как восстанавливаюсь после родов. Хотя и восстанавливаться-то особенно не приходится: все прошло без сучка без задоринки, даже понервничать не успела. Я долго думала, лететь ли мне на Гарнет, или довериться Ориве, которую я несколько месяцев прицельно учила принимать роды, но Азамат категорически заявил, что не доверит мою жизнь ни местным, ни гарнетским повитухам, и договорился с Земным Союзом о поставке партии врачей с целью обеспечивать медицинскую поддержку развивающемуся региону Вселенной. Честно говоря, я ужасно обрадовалась, и не столько даже тому, что буду в надежных руках (я-то Ориве вполне доверяю), сколько тому, что будет с кем поделиться пациентами. Последнее время ко мне стали выстраиваться такие очереди, что пришлось задрать цены вдесятеро, чтобы хоть как-то справляться с потоком страждущих. И тут же, конечно, включилась совесть и стала меня пилить, что помощь надо оказывать тем, кто в ней больше нуждается, а не тем, у кого больше денег, и все в таком духе. Удивительно, как внезапно слишком мало пациентов превратилось в слишком много. Короче говоря, когда Азамат сказал, что подписал визы пяти врачам, я даже немножко поплясала от радости, хотя уже было тяжеловато.

Набрать миссионеров оказалось довольно трудно. Во-первых, мало кто вообще хотел лететь за тридевять галактик на этот никому не нужный Муданг, даже ради очень больших денег. И то сказать, у всех семьи, друзья, и все привыкли, что с работы домой можно добраться максимум за несколько часов, да и то если очередь в туннель слишком длинная. А тут земными средствами передвижения три недели, муданжскими – полторы… С другой стороны, абы кого привозить тоже нельзя – окажутся жуликами какими-нибудь, обманут солидных людей, и вот он, международный скандал. Поэтому для всех желающих пришлось устроить серьезную проверку чуть ли не под микроскопом, и многие ее не прошли. Еще

заметное количество порядочных людей сами сошли с дистанции, и, зная методы Земного Союза, я не могу их осуждать. В итоге остались четверо, и тут я вспомнила про Янку. Мы с ней переписывались все то время, что я осваивалась на Муданге, и я много чего ей понарассказывала о местных обычаях. Она, конечно, от муданжцев несколько пострадала, ее ведь тоже, как меня, пытались силком замуж выдать, но зато у нее уже был опыт культурного контакта, хоть и негативный. К тому же она училась вместе со мной в космическом колледже и тоже ходила на муданжский язык, а это очень большой плюс, поскольку на Муданге совсем мало народу говорит на всеобщем. Так что я принялась Янку уговаривать. Ломалась она долго и крови всем попортила изрядно, но после того, как Азамат лично перед ней извинился за поведение своих сограждан и пообещал, что никто больше на ее свободу не покусится, она все-таки согласилась. И пока что об этом не жалеет. Вон она сидит на перилах, крутит рыжий локон и пожевывает полоску вяленой сурчатины, наслаждаясь видом на девственную муданжскую природу.

– Он опять заснул, – разочарованно сообщает Азамат.

Я усмехаюсь.

– А ты чего хочешь, чтобы он бегал на второй день?

– Нет конечно, – вздыхает Азамат, и по вздоху понятно, что именно этого он и хочет. – Просто никогда не видел таких маленьких детей…

Я закатываю глаза. Эту фразу за последние двое суток я слышу примерно двухсотый раз. А какого труда нам с Янкой стоило уговорить начинающего папу вообще взять ребенка на руки! Он же такой маленький-хрупкий, ах-ах-ах, да я не знаю, как его держать, а вдруг помну, а вдруг напугаю! Девчонки еще поначалу в другую комнату уходили поржать, а потом плюнули на приличия, все равно Азамат ни на что, кроме младенца, внимания не обращал. То ему стало казаться, что ребенок плачет, потому что его боится. Ребенок же задрых у него на руках, всем своим видом демонстрируя беспочвенность папиных страхов. Азамат некоторое время повосхищался, а потом стал переживать, что это малыш все время спит, а не заболел ли он? В общем, среди этого бардака я волновалась только о том, как бы от смеха кровотечение не началось.

– Погоди, – успокаивает его Яна своим низким блюзовым голосом, – еще на стенку полезешь от его активности.

– Если он в меня пойдет, то да… – мечтательно соглашается Азамат. – Лиза, а ты в детстве активная была?

– Не-а. Я в основном молчала и улыбалась. Но он больше на тебя похож, посмотрим, может, и характером тоже.

Похож – это немного не то слово. Когда Янка мне впервые показала мое дитятко, я почувствовала себя ксероксом. Разве что глазки голубые, так они могут со временем потемнеть. А так просто микро-Азамат. То-то матушка порадуется. Конечно, подрастет, может, еще проявятся какие-нибудь мои черты, но пока вообще ничего общего, даже немного обидно: в конце концов, это я его носила. С другой стороны, теперь уж точно ни у кого язык не повернется предположить, что Азамат ему не отец. А то я уже наслушалась сплетен и обвинений.

– Слушай, Азамат, а нельзя парочку Старейшин сюда выписать на именование? А то уж очень не хочется в столицу переться.

– Ты плохо себя чувствуешь? – тут же настораживается он.

– Да нормально я себя чувствую, просто как представлю, что надо собрать вещи, засунуться в тесный унгуц, потом еще в Ахмадхоте жара, духота, машины, прокисшими фруктами везде пахнет… Может, не будем мучить ребенка?

Азамат качает головой.

– Будущего Императора обязательно должен именовать весь столичный Совет, это ж тебе не сын кожемяки из какой-нибудь островной деревни. А все Старейшины даже по твоей

прихоти сюда не полетят, тем более что столичным жителям ведь интересно на наследника посмотреть, убедиться, что он здоровый и красивый. Так что лететь надо, никуда не денешься. В принципе, если ты не хочешь, то можешь остаться, твое присутствие не обязательно.

– Ну, ага, конечно! Мало того что имя моему ребенку будут придумывать какие-то чужие дядьки, так еще чтобы я не присутствовала? Нет уж. Надо хотя бы проследить, чтобы на моем родном языке это имя нормально звучало, а то знаю я вас, назовете каким-нибудь Хунь-Кирдыком, и что я маме скажу?!

– А что не так с этим именем? – удивляется Азамат. – Я знал одного хорошего человека…

Продолжение тонет в нашем с Янкой дружном хохоте.

– Ну ладно, ладно, – успокаивает нас Азамат. – Я написал Старейшине Ажгдийдимидину, объяснил, что у вас на Земле совсем другая традиция с именами, и он пообещал, что Совет посчитается с твоим мнением.

В столицу мы выбираемся на следующий день всей компанией. Янка там вообще-то работает вместе с Оривой, которую я отдала ей во временное пользование, пока я в декрете, так сказать. Коллеги-земляне по-прежнему побаиваются переселяться в другие города и толкутся в столице, где немного повыше процент говорящих на всеобщем. Старейшина Унгуц и еще двое книжников по возможности интенсивно учат их муданжскому, но все равно они еще долго не смогут свободно общаться с пациентами без переводчика, а пациенты совершенно не жаждут посвящать этих переводчиков в свои проблемы. Янка, конечно, тоже не ахти как разговаривает, примерно как я в начале всей этой эпопеи, но ее пациенты часто и сами говорить не умеют, она же педиатр.

Азамат сажает нас прямо перед Домом Старейшин, вынимает меня из кабины и аккуратно ставит на крыльцо, косясь на Янку. Все никак не поверит, что меня уже можно размещать в пространстве вертикально. На площади почти никого нет, только несколько ребят сидят на перилах над рекой, да еще мимо проходят какие-то люди. Мы заходим внутрь.

В Доме Старейшин, как всегда, жарко, душно и пахнет благовониями, отчего мелкий на руках у Янки тут же начинает хныкать. Я не успеваю даже обернуться, как Азамат его уже перехватил и принялся укачивать, одновременно командуя прислужнику открыть окна.

– Старейшины этого не любят, – хмурится прислужник.

– Плачущих детей они любят еще меньше, – веско отвечает Азамат.

Янка выходит подождать нас снаружи в теньке, а нас приглашают в Сердце Дома, то бишь зал, где заседает Совет. Гляди-ка, и правда, все восемнадцать собрались. Унгуц нам радостно подмигивает, Ажгдийдимидин кивает, мы киваем обоим в ответ. Прислужник и тут открывает два окна и занавешивает их тяжелыми гобеленами, чтобы никто с улицы не подсмотрел за таинством.

– Тэк-с, – начинает Старейшина Асундул и прокашливается, глядя в какой-то листок. – Что у нас дальше… Именование наследника.

Можно подумать, они сегодня прямо с утра всем составом заседают и уже забыли, ради чего! Хотя, наверное, это что-то обрядовое, чтобы нечисти голову заморочить, сделать вид, будто дело не важное. Ох и набралась же я тут суеверий!

– Азамат Байч-Харах, значит… – продолжает бубнить Старейшина Асундул. – Урик, ты списки предков составил?

Прислужник кивает и принимается раздавать всем Старейшинам листки с огромным списком имен, насколько я могу видеть, исключительно мужских.

– А что, имена предков как-то влияют?.. – спрашиваю у Азамата шепотом.

Он прищуривается.

– Скорее помогают выбрать.

Прислужник Урик, закончив со списками, прикатывает большой прозрачный экран, из тех, которые с одной стороны картинку показывают, а с другой выглядят как тонированное стекло, и ставит его между Старейшинами и нами. Ага, то есть нам туда смотреть не предлагается. Старейшина Асундул, прищурившись, начинает что-то двигать на экране пальцем.

– Так, ну, глухие я сразу убираю? – уточняет он, оглядывая Совет.

Все согласно гудят. Азамат тихонько выдыхает. Тоже ведь переживал, а вдруг мальчику не судьба править, вдруг глухое имя дадут. Можно подумать, Старейшинам очень надо следующего Императора заново выбирать. Они только расслабились, что можно часть обязательств на кого-то свалить…

Кстати об обязательствах. Азамат теперь крутится как белка в колесе, конечно. Каждый десятый день у него судебный – разбирает тяжбы. В остальное время он пытается оживить институт полиции, который благополучно загнулся за двести лет, и ведет постоянные переговоры с другими планетами, к счастью, в основном по Сети, хотя пару раз уже выезжал на какие-то станции. Еще он надеется к зиме обновить дороги, чтобы обеспечить торговое сообщение между экватором и севером, а еще пришлось создать регулярную армию, джингоши-то не спят. Опять же надо что-то делать с джингошскими платиновыми карьерами, пока свои же до центра планеты все не растащили, а в перспективе хорошо бы вступить в экономический союз с Землей, Ареем и Тамлем, а они требуют устойчивого природопользования… В общем, я бы уже давно слегла, а Азамат ничего, вертится. Старейшины, правда, сильно помогают, да и бывшие соратники тут же получили посты с полномочиями. Вот уж что Азамат хорошо умеет делать, так это организовать осмысленную деятельность. Так что в итоге он даже время от времени может себе позволить выходные, вот, например, чтобы посидеть под дверью, пока я рожаю, и от души понервничать.

– Да-альше, – тянет Старейшина Асундул. – Ну, тут в списке все на «А», это менять не будем? Хорошо-о… Так, занятые от-клю-ча-ем… Ну вот, ребят, смотрите, что есть.

Старейшины вытягивают шеи, прищуриваются, кое-кто достает очки. Шевелят губами, бормочут, переспрашивают друг друга. Один Ажгдийдимидин глядит в пространство, как будто происходящее его вообще не касается.

Унгуц отрывается от созерцания экрана:

– Ну, это все хорошо, но давайте на ребеночка-то посмотрим!

– Да, да, точно, – гудят остальные, как будто только что вспомнили об этой немаловажной детали. Азамат встает и, неся мелкого на вытянутых руках перед собой, предъявляет его всем Старейшинам по очереди.

– Ой ты какой хороший! – не удерживается Унгуц. Асундул на него цыкает, но сам тоже улыбается в бороду.

– Здоровый? – уточняет Изинботор.

Азамат кивает.

Ажгдийдимидин смотрит на ребенка таким взглядом, как будто вспомнил что-то веселое, но ничего не пишет и не показывает. Я считаю, это хороший признак. Наконец все обнесены, и Азамат возвращается ко мне.

– Совет предлагает вам удалиться и подождать решения, – будничным тоном сообщает Старейшина Асундул.

Мы выходим в ту самую комнату, где сидели в ожидании приговора по свадьбе. Там сейчас почти прохладно, потому что ветер с реки продувает через два окна.

– Ты как? – спрашивает Азамат, пододвигая мне подушку для сидения.

– У меня, как всегда, начинает болеть голова от благовоний. Тебе не показалось, что наш духовник как-то уж очень безразличен к происходящему?

Азамат пожимает плечами.

– Я думаю, он уже знает, как малыша назовут, так что ему должно быть скучно. Ты заметила, как он на него смотрел? Что-то хорошее у него в судьбе увидел, не иначе…

Минут через десять Урик приглашает нас обратно. Старейшина Асундул держит в вытянутой руке очередной листочек. Надо будет ему дальнозоркие линзы поставить.

– Совет Старейшин в составе по старшинству: Унгуц, Асундул, Удолын, Агылновч… – он продолжает перечислять всех присутствующих, но у меня по-прежнему муданжские имена в голове плохо держатся, – Ажгдийдимидин и Изинботор по поводу имени сына Азамата Байч-Хараха решение принял. Имя то – Арамат.

Вот я так и знала, что налажают!

– Я против, – говорю с тяжелым вздохом. Я так надеялась обойтись без драки… Еще и живот заныл вдобавок. Азамат смотрит на меня с сочувствием.

– Как это против? – моргает Асундул. – Это решение Совета!

– А так – против, – тоскливо поясняю я. – Был уговор, что если на моем языке имя звучит нелепо, то вы это примете в расчет, правда же?

Старейшина Асундул явно собирается возмутиться, но наш духовник быстро вкладывает ему в ладонь бумажку. Асундул некоторое время щурится, читая мелкий почерк коллеги.

– Ну ладно, – говорит он наконец растерянно. – Уговор был, не спорю. Но почем же нам знать, какое имя как на твоем языке звучит?

Я только собираюсь картинно развести руками, дескать, это вам виднее, дорогие мудрецы, когда меня перебивает один из самых древних дедов, кажется, Агылновч.

– Да она свои варианты сначала предложит пусть!

– Правильно, правильно! – соглашаются все.

– Ладно, гхм, Элизабет, – кивает Старейшина Асундул. – Как бы ты этого ребенка назвать хотела?

– Ну-у, например, Олег, – предлагаю, несколько растерявшись. Поскольку Азамат почти сразу поставил меня перед фактом, что называть ребенка будут Старейшины, то я как-то и не думала на эту тему.

– Хм. – Старейшина Асундул почесывает бороду и обводит окружающих взглядом.

Окружающие тоже почесывают бороды, у кого они есть. Азамат приподнимает брови, потом улыбается мне и снова оборачивается к ребенку. Не иначе примеряет.

– По-моему, неплохо, – осторожно говорит Унгуц.

– Да тебе все нравится, что она предлагает, – усмехается его сосед.

– Ладно тебе, правда ведь, имя хорошее, – укоряет его Агылновч. – А что оно значит-то по-вашему, молодушка?

– Э… – Я лихорадочно припоминаю хоть одну дурацкую рекламу типа «Хочешь узнать тайну своего имени? Пришли сообщение!» – там обычно в качестве завлекалки приводят примеры… – Ну-у, мне трудно перевести-и, – тяну время изо всех сил. – Ну, там про благословение… и свет… примерно так… Так звали одного из наших первых князей! – выпаливаю я наконец-то подвернувшийся довод. Правда, историю я помню плохо, и что это был за князь, не имею ни малейшего представления. Да и само слово «князь» на муданжском имеет только одно значение – принц, то есть наследник трона, но не правитель. Не говоря уж о том, что я спокойненько обобщила свою страну до всей Земли… Ну да ладно.

– О-о, неплохо, – кивает Асундул. – И не занято. Ну что, как думаете, подходит имя?

Все согласно кивают, кто с бóльшим, кто с меньшим энтузиазмом.

– Ну хорошо. В таком случае, Совет в составе по старшинству: Унгуц, Асундул, Удолын… – весь список звучит заново, – Ажгдийдимидин, Изинботор и жена Императора Элизабет по поводу имени сына Азамата Байч-Хараха решение принял. Имя то – Алэк.

Молчу-молчу. Меня все устраивает.

Азамат снова встает и подносит спящего, кхм, Алэка Ажгдийдимидину. Тот извлекает из-за пазухи диля духовнический жезл, несколько раз взмахивает им над ребенком, отчего по залу распространяется приторный запах очередного благовония, что-то нашептывает и кивает Азамату. Тот кивает в ответ, я тоже киваю, остальные Старейшины кивают, и мы выходим на крыльцо.

Мама дорогая, сколько же снаружи народу! Кажется, вся столица пришла посмотреть на нашего первенца. Впрочем, я не удивлюсь, если так оно и есть.

– Князь именован! – вопит кто-то из толпы.

– Князь именован!! – вторят ему еще несколько голосов. Кто-то принимается играть на дудке, ближайшие граждане тянут шеи, чтобы рассмотреть своего будущего Императора.

Азамат осторожно перехватывает мелкого поудобнее и поднимает над головой, чтобы все видели. Люди хлопают в ладоши, свистят и кричат «Танн!». Азамат светится счастьем, а я стараюсь благосклонно улыбаться, хотя не отказалась бы прилечь. Наконец к нам пробивается Тирбиш и сообщает, что у него прямо за домом припаркована машина и в ней уже сидят Яна с Оривой. Пока мы пробиваемся туда сквозь толпу, на меня сыплются подарки – одежда, украшения, бормол, редкие пряности, гобелены, пеленки, конвертики, башмачки, ползунки… К счастью, Тирбиш прихватил Большой Мешок и складывает туда все это барахло, а мне остается только благодарить.

– Куда вас отвезти? – спрашивает он, садясь за руль.

– Давай в «Лесного демона», – говорю. – Там в это время обычно нет никого.

Можно было бы, конечно, домой, но там-то как раз полон дом народу. На месте сгоревшего Азаматова коттеджика столичные активисты за неделю отгрохали целый офисный центр, мы даже воспротивиться не успели. Поскольку нам для жизни так много места не требуется, а вот новой Императорской Канцелярии нужно какое-то помещение, то Азамат решил просто разместить ее в своем доме, раз уж он теперь на семейное гнездышко не похож. Там, конечно, есть жилая часть со спальнями, кухней и куском сада, на который не выходят окна офисов, но все равно довольно неуютно.

В «Лесном демоне» я блаженно растягиваюсь на подушках, наблюдая, как Азамат с Тирбишем воркуют над ребенком, теперь вдвоем.

– Очуметь, – бормочет Янка. – За все время, что практикую, таких трепетных мужиков не встречала.

– Это Муданг, детка, – хихикаю я.

Азамат что-то заказал, но я пока есть не хочу. Зато хозяин заведения, принеся заказ, никуда не уходит, а тоже присаживается поворковать, поздравить Императора и меня с чудесным отпрыском и пожелать удачи и красоты.

Пока происходит обмен любезностями, в трактир входят Эцаган и Алтонгирел, который несколько дней назад временно вернулся с Гарнета специально, чтобы посмотреть на мелкого, когда он родится. Эцаган с ним теперь не летает, потому что Азамат его назначил кем-то вроде шефа полиции. Я не очень разбираюсь в муданжской системе чинов.

– Ой, какой маленький! – с порога восклицает Эцаган. – А можно его подержать? Здравствуйте, Лиза, здравствуйте, капитан! Ну можно?

Я начинаю посмеиваться, отчего у меня снова болит живот. Янка только головой качает.

– Привет, – скалится Азамат. – Можно, наверное, только ост… О, Алтонгирел, привет!

Эцаган тут же усаживается по-турецки в торце нашего столика и укладывает мелкого на свои скрещенные ноги.

– Ой ты хоро-о-о-оший какой, краси-и-ивый, да как похож на па-апу, ой, а глазки какие голубые! Алтонгирел, смотри!

Алтонгирел, который обменивался приветствиями с Азаматом, тут же отвлекается и идет смотреть на глазки. Алэк начинает хныкать. Алтонгирел осторожно гладит его по

голове, отчего хныканье вовсе не прекращается, а потом смотрит на меня с каким-то странным выражением.

– Ты это, Лиза, – он сглатывает, – будь хорошей матерью.

– Уж постараюсь, – хмыкаю я, принимая более-менее сидячее положение. – Давай-ка его сюда, он уже есть хочет, да и затискали вы его совсем.

Алтонгирел кивает, забирает мелкого у Эцагана и подносит мне. Я начинаю пристраивать его на подушку для кормления, как вдруг Алтонгирел снова нагибается и целует меня в макушку.

– Да благословят тебя боги, – говорит он в ответ на мой ошарашенный взгляд. Азамат и Эцаган со странными улыбками переглядываются.

Как следует меня эпатировав, Алтонгирел с неподобающей поспешностью покидает помещение.

– Что это с ним? – спрашиваю.

– У него вчера было какое-то видение, – лукаво ухмыляется Эцаган. – Он ничего не рассказывал, но, наверное, это было про вас.

Я поджимаю губы.

– Что еще он мог про меня такого увидеть? Мне кажется, уже вся моя жизнь по пророчествам так расписана, что можно ежедневник не вести. Последние месяца два только ленивый не пытается предугадать, что я сделаю завтра. Тут вон на днях Азамату жаловалась: какой-то духовник-недоучка предсказал долхотским горожанкам, что после родов я стану носить шпильки по десять сантиметров, так они, бедные, накупили этого добра и теперь мучаются, по улицам в них ходят. А в Долхоте, помнишь, какие улицы? Это ж один сплошной глинистый буерак, а не город!

Эцаган хохочет, а Азамат вздыхает.

– Надо с городскими дорогами что-то делать, это никуда не годится. В Ахмадхоте-то не лучше. Но Алтонгирела ты зря в один ряд с такими записываешь. Уж если он что предсказывает, то это точно от богов идет. Он потому и взбудораженный такой, что контакты с богами для людей непросто проходят.

– Ну, не знаю, – пожимаю плечами. – Для меня просто…

Мужики снова переглядываются и смеются.

– Это вам сейчас так кажется, Хотон-хон, – хихикает Тирбиш. – Вы просто тогда себя со стороны не видели.

Я открываю рот, чтобы возразить, но тут в таверну снова впадает Алтоша, только уже не один, а с «нашими» Старейшинами – Унгуцем и Ажгдийдимидином. И тоже застывает с раскрытым ртом, вытаращась на меня. Так и смотрим друг на друга, как на приеме у дантиста.

– Ну чего ты, Алтон-хян? – Унгуц похлопывает его по плечу. – Кормящей женщины не видел никогда?

Алтонгирел стремительно краснеет, это видно даже в неярком свете таверны.

– Ну-у, как бы… – с трудом выдавливает он. – А обязательно делать это у всех на виду?

– А что мне, всех выгонять, что ли? – удивляюсь я. Вот еще тоже блюститель приличий на мою голову. Старейшины, которые усаживаются за нашим столиком, посмеиваются.

– М-мне казалось, обычно женщины уходят для этого в другую комнату, – осторожно намекает Алтоша. Все-таки что-то изменилось в его отношении ко мне. Еще весной так бы и сказал прямым текстом: «Пошла вон!»

– Не нравится, не смотри, – фыркаю я.

Алтонгирел вопросительно косится на Азамата, дескать, как же ты такое позволяешь? Азамат смотрит на него исподлобья.

– Ты же не думаешь, что я должен Лизу выставлять из-за стола на время кормления? Она, между прочим, еще не совсем здорова…

– Не думаю, – быстро отвечает Алтонгирел и садится в дальний угол так, чтобы не видеть меня из-за Тирбиша. Ребенок помахивает ему вслед кулачком; выглядит довольно угрожающе.

– Алэк, значит. – Унгуц подвигается поближе и принимается рассматривать мелкого.

– А что это имя значит по-муданжски? – спрашиваю. Имена из двух слов я обычно могу перевести, а такие короткие, насколько я знаю, очень старые и за века приобрели всякие сложные значения.

– Так назовут человека, который всегда добьется своего. Целеустремленного, – Унгуц ласково гладит мелкого по животу, – энергичного, удачливого…

Ажгдийдимидин дергает Унгуца за рукав, а потом стукает кулаком об пол, что у муданжцев соответствует нашему жесту погрозить пальцем.

– Да ладно тебе, – отмахивается Унгуц. – Я в прошлом месяце вообще благодать не раздавал, могу себе позволить!

Ажгдийдимидин прищуривает глаза и шкрябает на бумажке: «Копил?»

Унгуц поджимает губы.

Духовник продолжает писать: «Тут и без тебя хватит, расслабься».

– Можно подумать, ты сам не больше обычного выложился, – ворчит Унгуц, но от меня отодвигается.

– Как… прошел обряд? – осторожно спрашивает Тирбиш, чтобы всех отвлечь. Остальные изо всех сил стараются не замечать диалог Старейшин. Простым людям не положено знать, что Старейшины могут быть неправы или не соглашаться друг с другом.

– Предсказуемо, – хмыкаю я. – Хотя мне показалось, в этот раз было как-то формальнее, чем на свадьбе. Тогда нам и Старейшин не перечисляли, и никакого «Совет решение принял»…

– Ну, ты сравнила! – усмехается Унгуц. – Именование – обычная процедура, давно обкатанная, там и думать особенно не надо. А свадьба – это же ответственное решение! Тем более, чего ждать от твоего ребенка, и без имени понятно. А вот чего ждать от тебя, никто из нас не знал. Даже твой духовник. Правда же, Ажги-хян?

Духовник хмурится, но не возражает.

– Вот-вот, – продолжает Унгуц. – У нас такого еще не было, чтобы пришлось решать судьбу человека, которого ни один Старейшина до тех пор в глаза не видал! А именование-то что, именование мы раз по десять в день проводим и обычно всего по трое-четверо для этого собираемся, а то, когда много народу, видно плохо. Впрочем, сегодня и так все было ясно. Я как пришел на Совет, мне Агжи-хян р-раз записочку, мол, можно расслабиться, Лиза все равно сама имя выберет. Это Асундул вечно любит, чтобы все по уставу было. Кстати, что-то он в последнее время фамильярничать стал. При своих-то ничего, но с этими международными делами как бы не оконфузиться… Я понимаю, конечно, что он остальных Старейшин почти всех сам читать учил, но я-то его помню, еще когда он на лошади сидеть не умел!

Ажгдийдимидин жестом показывает мне перекатиться к нему поближе и вручает мне распечатанный листок. Видимо, подготовил речь заранее.

«По нашим традициям, – гласит листок, и я уже начинаю нервничать, – Хотон-хон положено иметь круг приближенных подруг из числа уважаемых горожанок. Пока ты была тяжелая князем, Совет решил тебя не беспокоить. Однако теперь настало время задуматься, кого ты хочешь видеть вокруг себя. Выбирай женщин надежных, опытных в обращении с детьми и в отведении сглаза».

– Э-э-э… – растерянно говорю я. – Да у меня тут всего-то подруг две с половиной, из них одна с Земли. Зачем мне какие-то женщины, когда у меня вон Тирбиш нянькой?

Духовник, не теряясь, протягивает мне еще одну распечатку.

«Приближенные подруги нужны, чтобы поддерживать тебя в грусти, развлекать в скуке, наставлять в сомнении и покрывать в грехе. Женщине не всегда может помочь духовный наставник, поскольку пути мыслей мужчины и женщины различны. Не забывай также и о том, что столичные женщины об этой традиции знают, помнят и надеются войти в твой круг приближенных».

– То есть, проще говоря, вы опять хотите загнать меня в клуб, только теперь круглосуточно и на дому? – обреченно спрашиваю я.

«Тебе не обязательно с ними шить, – пишет Ажгдийдимидин на обороте листка. – И можешь сама их выбрать».

– Азама-а-а-ат, – хнычу я. – Мне опять велят общаться с местными тетками…

– Ну почему только с местными? – пожимает плечами Азамат. – Никто не будет против, если ты пригласишь в круг своих землячек. Все поймут, я думаю. А еще у тебя есть Задира и Орешница. Вот и круг.

– Так это чисто формально или мы как-то собираться должны?

– Формально, – успокаивает меня Унгуц. – Но видеться ты должна хотя бы раз в месяц с каждой из женщин.

Ну ладно, раз в месяц, может, и выкроится часок. Не все так плохо, как я сначала подумала. Это не районный клуб, это мои нормальные знакомые, и много времени такой клуб не отнимет. Подзываю девиц и объясняю на двух языках, что мне (а точнее, Старейшинам) от них занадобилось.

Янка пожимает плечами: надо так надо.

Орива вытаращивает свои и без того немаленькие глаза:

– Вы правда хотите взять меня в круг? А мне разве можно? Я ведь не ахмадхотская…

– Живешь-то здесь, – отмахивается Унгуц. – А где родилась, кому какое дело.

Я киваю на Унгуца, мол, вот, слушай, что умные люди говорят.

– Но вы серьезно хотите меня взять? – снова уточняет Орива. – Я же не знатная никакая, даже не замужняя, не говоря уж, что детей нет. Да и мы с вами не очень-то близки…

– Ну, дорогая, у меня не так уж много близких людей, – пожимаю плечами. – Не волнуйся, тебе не придется, э-э, как это там было? Наставлять меня в сомнении, во. Но если не хочешь, так и скажи, я не обижусь. Сама бы обошлась, да вот заставляют…

– Да вы что, для меня это честь! – заверяет меня Орива. – Сестрам напишу – вот обзавидуются! Ничо так! Приехала подзаработать, бац – и в кругу приближенных подруг Хотонхон!

Я только головой качаю. Подумаешь, какая существенная разница! Ходить ко мне наряды шить – это нормально, а попасть в круг приближенных – уже честь. Никогда не угадаешь с этими муданжцами.

– Две – это мало, – напоминает о своем существовании Алтонгирел. – На первое время сойдет, но начинай присматриваться к горожанкам. Нужно хотя бы четыре-пять.

– А как я, интересно, могу выбрать надежных подруг из совершенно незнакомых женщин? – задаю я риторический вопрос. Вернее, я-то хотела задать очень даже конкретный практический вопрос, но духовники явно истолковали его как риторический. Проигнорировали то есть.

Глава 2

После условного празднования в «Лесном демоне» мы все-таки едем в новый Азаматов дворец, который у меня теперь язык не поворачивается обозначить как «домой». Азамат хочет поработать до вечера, раз уж он в столице, а потом можно будет снова смыться, заодно послать пилота за матушкой, пускай приедет посмотреть на мой дом и своего внука.

Стоит мне с комфортом расположиться на кровати, как в дверь моей местной спальни безапелляционно стучат.

– Открыто, – говорю.

Стук повторяется. Ладно, придется соскрестись с дивана и дочавкать до двери.

За дверью стоит мастер искусств, и у меня тут же заболевает голова.

Дело в том, что муданжцы супротив среднего землянина чудовищно суеверны. Я понимаю, конечно, что в отличие от нас у них это предписано государственной религией, но все равно можно было бы и поубавить. Вот, например, есть этот ужасный запрет на фотографии маленьких детей. То есть, как я выяснила, фотографировать в принципе можно, если уж очень приспичит. Но фотографии следует хорошенько спрятать, чтобы никто их не увидел, пока ребенок не подрастет. Лучше даже самой не смотреть. А то, дескать, чужие люди проклянут, или боги позавидуют, или еще сто двадцать восемь несчастий.

Примерно то же самое теперь и с нами. Мы с Азаматом можем снимать друг друга сколько влезет, но эти снимки положено беречь абсолютно ото всех глаз, в том числе нашего духовника, Старейшин, родителей… а лучше еще друг от друга. Я, правда, не очень-то следую этому правилу: мама регулярно стребывает с меня свежие фотографии, чтобы поставить в электронную рамочку на каминной полке в своем новом доме. Да и Сашка повесил у себя над компом на работе суровый лик Азамата, а на вопросы коллег, зачем это, таинственно улыбается. К счастью, правило насчет фотографий – это именно суеверие, а не закон, и нарушение его никак не карается.

Однако подданным из дальних регионов, которые не имеют возможности приехать в столицу просто, чтобы поглазеть на нас, нужно каким-то образом нас показать. Кое-кто, конечно, успел обзавестись нашими изображениями до избрания, но эти люди, будучи столь же суеверными, как и прочие, держат свои снимки в строжайшем секрете. Очевидное решение проблемы – рукописные портреты. На них суеверие не распространяется, потому что, дескать, нарисовать в точности все равно нельзя, а значит, воспользоваться таким изображением для сглаза не получится. Тем более что в таком портрете применяются всякие специальные приемы приукрашивания, которые гарантируют безопасность.

Мой портрет столичный мастер искусств написал месяц назад, незадолго до родов, с максимальным животом. Оказывается, жену Императора положено рисовать беременной, поскольку это вселяет надежду на спокойный век без существенных перемен, да и вообще по муданжским представлениям беременная женщина – самая красивая. Портрет мне, правда, не очень понравился. На себя я там совсем не похожа, поскольку мое лицо подогнали под муданжский канон красоты, только глаза и волосы перекрашивать не стали. Логика в этом некоторая есть: представление среднего муданжца о красивой женщине к моим чертам лица не имеет никакого отношения, это просто стереотип, что все земляне красивые. О том, как вообще выглядят европеоиды, известно небольшой части образованных жителей крупных городов. А какой-нибудь деревенский голова, поглядев на портрет первой леди, может и не проникнуться и не оценить экзотической красоты. Мне-то что, а человек расстроится. Вот мастер искусств и постарался меня так нарисовать, чтобы всем было доступно.

Гораздо хуже дело обстоит с Азаматом. Прежде всего он первый в истории Муданга некрасивый Император. И скрывать этот факт поздно, потому что на второй день после

избрания по планете уже поползли разнообразные жутковатые описания, в которых находилось место для клыков, бородавок и шакальей шерсти, не говоря уже о чешуе и прочих крыльях. Короче, в данный момент население Муданга в большинстве своем твердо верит, что Императором у них нынче какой-то полубог-полудемон со звериной мордой и страшный до одури. Азамат, понятно, не в восторге, но для него это не было неожиданностью. Однако имидж правителя – вещь серьезная, в прежние дни портрет Императора висел в каждом доме хотя бы потому, что Императорами обычно были исключительно красивые люди. Есть даже отдельные любители, коллекционирующие портреты Императоров разных эпох… Совет Старейшин устроил особое заседание по этому вопросу и пришел к решению, что рисовать Азамата надо. То, что он некрасивый, нарушает только одну традицию, а если не рисовать портрет, то нарушатся сразу две, а это уже слишком радикально для сознания среднего муданжца. Могут и возмутиться. Когда в теории вопрос с портретом был решен, немедленно возникла проблема на практике: ни один мастер искусств на всем Муданге никогда в жизни не рисовал ничего и никого некрасивого. И представления не имеет, как это делать. Старейшины собрали в столице всех самых выдающихся художников современности, и те несколько дней усердно ломали головы и кисти над проблемой, периодически требуя подать им объект спора и рассматривая его с разных сторон и расстояний. Это кончилось несколькими драками, но решение так и не было найдено. Азамат ходил злой, как три Алтонгирела, даже разок огрызнулся на кого-то в Канцелярии, отчего вся столица потом еще пару дней трепетала – Азамат уже успел зарекомендовать себя как исключительно добродушный и терпеливый человек.

После того как художников разняли и подлечили, кому-то из них пришла в голову светлая мысль попросить меня о помощи. Дескать, я же как-то терплю своего мужа, значит, наверное, знаю, как именно надо на него смотреть, чтобы было красиво. Я почесала в затылке и предложила им тупо нарисовать как есть, потому что Совет Старейшин пришел к решению, что надо *рисовать*, а не что надо рисовать *красиво*. Мне удивленно сообщили, что нарисовать некрасиво совершенно невозможно, ибо все искусство рисования заключается в том, чтобы сделать красиво. А для того, чтобы изобразить как есть, существует фотография. Я почесала в затылке второй раз, покопалась в Сети и продемонстрировала господам художникам подборочку старинных земных портретов всяких малоприятных граждан, дескать, вот, портреты, а некрасиво. Но мои доводы разбились в прах о несокрушимое представление муданжцев, что все земляне красивы, даже если у них по восемь подбородков, фиолетово-зеленый цвет лица и нет одного глаза. Я попыталась поискать портреты уродцев с других планет, но ничего убедительного не нашла. Тогда я предложила нарисовать Азамата в левый профиль, на котором шрамов почти нет, а что есть, то можно проигнорировать, списав на то самое приукрашивание. Но мне категорически заявили, что портрет Императора пишется по канону, а именно анфас, в полный рост, на лошади и с мечом, и изменить канону – это такое же нарушение традиции, как не рисовать портрет вообще. В итоге, когда мастера искусств вновь потребовали Азамата на ковер для рассматривания под лупой, он отказался в довольно грубой форме и заявил, что у него все равно нет времени позировать, так что пусть рисуют без него, раз уж так подробно его изучили. Художники обиделись и разъехались, оставив столичных представителей профессии разбираться самостоятельно.

Так вот, стоит, значит, на пороге моей спальни мастер искусств, первый в столице, длинный, тощий старый хрен с условно одухотворенным лицом и жиденькой косичкой до колен. Он ко мне наведывается всякий раз, как я бываю в столице, что в последнее время не очень часто, на мое счастье. Чего он хочет, я не понимаю. То есть понятно, что он надеется, что я как-нибудь решу проблему с портретом Азамата, каким-нибудь чудесным способом. То ли исцелю его, то ли богов попрошу… не знаю. От постоянных размышлений об этом

несчастном портрете у меня даже появилась идея, но донести ее до мастера мне не удалось с пяти раз, так что я отчаялась.

– Здравствуйте, мастер, – уныло приветствую я. – Чем могу быть полезна?

– Здравствуйте, Хотон-хон. Да вот, зашел поинтересоваться, вы, случайно, с мужем не поговорили?

Собственно, последние несколько дней я почти исключительно этим и занималась между схватками и кормлениями.

– О чем я должна была с ним поговорить? – тоскливо протягиваю я, заранее зная ответ.

– Ну как, о портрете об этом. Уже лето на исходе, а все по-прежнему. Надо же что-то делать!

– Так делайте, раз надо, – говорю. – Я-то тут при чем? Моя забота вон в кроватке спит.

– Да как же делать-то? Вот ведь в чем проблема! Еще, видите, он позировать отказывается…

В таком духе с ним можно разговаривать вечно. Это, кстати, еще одна причина, по которой я не хотела лететь в столицу на именование, но Азамату я о художниках напоминать не стала, а то он и правда клыки отрастит.

Я с горечью понимаю, что придется предложить мастеру сесть, потому что стоять я уже устала, а он не скоро уйдет, даже если я его грубо пошлю. Он принадлежит к категории счастливых людей с избирательным слухом. Но мне везет – дверь гостиной открывается и заходит какой-то еще человек, мне не знакомый.

– Мастер Овыас! – окликает он с порога. – Где вы… ой!

Последнее явно относится ко мне, потому что вошедший молодой человек застывает посреди комнаты, уставившись на меня круглыми глазами.

– Куда ты вломился, болван! – неожиданно эмоционально рявкает на него мастер. – Здесь вообще-то императорские покои!

– П-простите, Х-хотон-хон… – мямлит несчастный парень, пятясь к выходу. Ну нет, он сейчас сбежит, а я останусь один на один с мастером? Нет, спасибо!

– Подождите. – Я милостиво улыбаюсь парнишке и машу рукой в сторону кресел в гостиной. – Присядьте, пожалуйста, и вы тоже, мастер, я сейчас.

Иду проверить, дрыхнет ли чадушко. Возвращаюсь в гостиную и закрываю за собой дверь.

– Я была бы вам очень признательна, мастер, – говорю сахарно, – если бы вы не кричали в присутствии спящего князя. А то, понимаете, мне придется отрывать мужа от управления планетой, чтобы его укачать…

Я, естественно, и сама прекрасно справлюсь, но муданжские мамаши очень любят сделать вид, что дети их не слушаются, чтобы спихнуть все хлопоты на и без того перегруженных мужей. Мастер искусств сразу принимает виноватый вид и долго извиняется. Так-то тебе, старому зануде.

Я присаживаюсь напротив гостей.

– Я Элизабет, – сообщаю парнишке.

Мне последнее время доставляет массу удовольствия смотреть, как муданжцы теряются, когда я им представляюсь. По их убеждениям, мое имя должно храниться в строгом секрете, чтобы, не приведи боги, никто не напакостил, а уж если так необходимо кому-то мое имя сообщить, то делать это должен кто угодно, кроме меня, потому что в устах другого человека имя несет меньше силы… ну или какой-то подобный бред. Я-то вполне уверена, что, если кто-нибудь захочет мне подгадить, его успех или неудача будут связаны не с тем, как я свое имя скрываю, а с тем, как хорошо меня охраняют телохранители и духовник. Зато в ответ на мое доверчивое представление рядовые муданжцы чувствуют острую необходи-

мость выложить о себе всю подноготную, а потом еще хвастаются перед друзьями, что я им благоволю.

– Я Бэр, – после секундной ошарашенной паузы выпаливает юноша. – Подмастерье, учусь у мастера Овыаса. Я хороший ученик, родился под Долхотом, отец рыбак… Я зашел за мастером, потому что он задержался в Канцелярии, а надо уже семинар у первогодок начинать, а… простите, я не знал, что вы тут… э-э…

– Ничего-ничего. – Я продолжаю милостиво улыбаться. Мастер сидит мрачнее тучи. Ему, видимо, довольно стыдно за простака-ученика, да еще и теперь я точно знаю, что ему пора идти. Ох, чувствую, парню влетит… Ладно, сейчас как-нибудь поправим ситуацию. – Как вовремя вы зашли, а то, я боюсь, я бы тут надолго задержала мастера разговором. Что ж, в таком случае мы с вами, мастер, увидимся в другой раз…

– Н-да, прошу прощения. – Он встает и угрюмо кланяется.

Паренек Бэр тоже порывается встать, но я останавливаю его жестом.

– Вы не возражаете, если я задержу вашего ученика ненадолго? Он ведь в курсе проблемы с портретом, правда?

– Безусловно, – слегка огорошенно отвечает мастер, потом зыркает на ученика и наконец очищает помещение от своей персоны.

Ну слава богу! Не знаю уж, что он подумал… хотя на самом деле знаю, только размышлять об этом не хочу. Они все думают одно и то же, что у такого человека, как Азамат, не может быть верной жены. Судя по всему, мальчишка не сильно отличается от своего учителя в этом отношении: сидит красный, как Азаматов свитер, теребит в пальцах край рукава.

– Говоришь, ты хороший ученик? – спрашиваю гораздо менее светским тоном. Если его удивить, есть шанс, что он перестанет ждать, что я его сейчас изнасилую.

– Да-а, – охотно отвечает он. – Мастер даже позволяет мне заканчивать его картины.

Я уже успела разобраться в здешних художественных правилах достаточно, чтобы знать, что это очень высокая оценка умений ученика. Значит, есть шанс, что он справится с моей задумкой. Теперь надо его немного заинтриговать…

– А хранить секреты ты умеешь? Только честно!

– Вы хотите доверить мне секрет? – спрашивает он шепотом, таращась на меня во все глаза. – Да я его под пыткой не выдам!

– Отлично, – усмехаюсь. – Тогда слушай. Я хочу поручить тебе одну очень ответственную работу. Если ты хорошо справишься, то получишь вознаграждение как самостоятельный художник.

– А если я не справлюсь? – в ужасе уточняет мальчишка. Ему лет шестнадцать, наверное.

– Ну, тогда придется мне искать кого-то другого, – пожимаю плечами. – Зато если справишься, то сразу станешь мастером, и тебе будут заказывать картины всякие богатые люди.

У парня глаза начинают сиять, как лазеры.

– И я смогу больше не работать у мастера Овыаса?

– Естественно. – Я заговорщицки улыбаюсь. – Ну что, берешься?

– Да! А что надо делать?

– Надо нарисовать портрет Императора, – развожу руками.

Парнишка моментально сникает.

– Но ведь никто не знает, как это сделать!

– Я знаю, – говорю. – И я тебя научу.

– Вы умеете рисовать? – изумляется он.

– Нет, но у меня есть идея. – Я подмигиваю, чем окончательно отшибаю впечатлительному мальчику дар речи.

Пока он ищет слова в своем образно-одаренном сознании, я беру бук и открываю в нем две папки с картинками. Одна – это отобранные специально для этой цели фотографии Азамата. Попытки объяснить мою идею мастеру Овыасу оканчивались ровно на этом месте: он категорически отказывался рисовать Императора с фотографии. Вторая папка – это просто картинки, накачанные из Сети, в основном иллюстрации к книгам.

– Вот смотри, – говорю, – что можно сделать.

Мальчик уходит от меня просветленный, с предвкушением в глазах, пообещав, что работа будет готова через три дня. Я же, натрудившись за день, прозаично заваливаюсь спать до вечера.

Вечером Азамат заходит за мной вместе с Тирбишем. Тот чем-то ужасно доволен.

– Ну что, – Азамат подхватывает мелкого уже привычным движением, – полетели домой?

– Давай, – говорю, поднимаясь с дивана.

– Тирбиша берем с собой, он готов приступить к обязанностям няньки, – усмехается Азамат, а Тирбиш расправляет плечи. Мы уже давно с ним об этом предварительно договорились, и Азамат, как всегда, хочет подоткнуть мне прислугу со всех сторон.

– Я как узнал, что Алэк родился, сразу собираться начал, – улыбается Тирбиш. – Капитан надолго не задержится, а вам ведь помощь нужна.

– Ну раз ты хочешь уже приступить, то пожалуйста, – пожимаю плечами. – Только вот с твоей помощью я совсем обленюсь. Ты ведь небось и готовить будешь, и прибираться, знаю я тебя.

– Можем составить расписание, – усмехается он.

Таких черных ночей я в своей жизни еще не видела. Огоньки Ахмадхота быстро скрываются за горами, а луны на небе ни одной, да еще и летим на восток: в столице сумерки, а на Доле-то уже ночь глухая. Глядя из окна кабины в густую черноту, я даже не могу с уверенностью сказать, что мы летим, а не стоим на месте. Азамат, конечно, включает во все лобовое стекло экран с инфракрасным изображением, да и маршрут этот мы оба знаем как свои пять пальцев, но все равно страшновато. Только на подлете к дому за окном появляется что-то светящееся – это габаритные огни нашей крыши.

В приморских горах летней ночью кипит такая бурная жизнь, что приходится закрывать окна в детской, чтобы ребенок не просыпался от каждого птичьего вопля, волчьего воя и прочих приятных звуков. Я и сама побаиваюсь, хотя Азамат говорит, что дикие звери в дом никак войти не смогут, да и не станут пытаться, потому что мы не держим скота, а летом в лесу все сытые. Однако мои котята шляются туда-сюда через форточки и подвал, как хотят. Они, конечно, маленькие, но кто знает, насколько опасны могут быть местные дикие звери того же размера.

Когда мы собираемся в кухне за ужином, котята берут нас на абордаж громовым мурчанием и требуют молока и масла, к которым я их довольно быстро приучила. Получив лакомство, они переключают внимание на лампы, вокруг которых вьются грозного вида муданжские ночные бабочки. Назвать эти авианосцы «мотыльками» у меня язык не поворачивается. Азамат встает на стул и, отцепив крючочки, спускает с потолка несколько веревок. Котята немедленно по ним взбираются и принимаются с хрустом уплетать шумных насекомых. Идея с веревками пришла Азамату в голову, когда ему надоело каждый вечер отбиваться от хищно настроенных кошек, которые пытались использовать его в качестве подъемника. Они, конечно, по-прежнему маленькие по сравнению с земными кошками, но все-таки не такие крошечные, как когда мы их только взяли, килограмм-то в каждом есть, если не полтора, и

когти острые. Кстати, они все трое оказались котами. Назвала я их Электрон, Мюон и Тау, потому что маленькие, а для Азамата эти слова очень смешно звучат. У них на Муданге все термины из физики и химии названы по-муданжски.

На следующий день застенчивый Бойонбот привозит к нам Азаматову матушку. Это его синенький проворный унгуц доставлял мне раненых во время кампании. Я выхожу вместе с Азаматом на посадочную площадку встречать.

Кабина открывается, и становится видна матушка в новой вышитой косынке и сверкающем золотом диле. Она боязливо высовывается за борт, прикидывая расстояние до травы под брюшком унгуца – в отличие от нашего, который прямо на брюхо и приземляется, у этого есть ножки, так что получается довольно высоко прыгать.

Азамат приходит на выручку: подцепляет матушку из кабины и ставит на землю, придерживая, пока она не обретет равновесие.

– Ма! Наконец-то ты к нам выбралась!

– О-ой, ну ты и доми-ище отгрохал! – протягивает матушка вместо приветствия. – Вот Арават-то не видел, а то б бороду свою от зависти съел! Ну дела-а…

Бойонбот тем временем спрыгивает на землю и обходит унгуц.

– Здравствуйте, Ахмад-хон! Вот, доставил в целости. Куда вещи выгружать? Ой, Хотон-хон! – Он мгновенно краснеет. – Здравствуйте, простите, не заметил вас сначала…

– А, Лиза, и правда! – Матушка наконец отвлекается от созерцания дома. – Тебе ходить-то не рано?

– Вещи в дом, вон тележка для этого. – Азамат кивает на вход природной пещеры, где у нас импровизированный сарай.

– Ничего, хожу понемногу, – говорю. – Ребенок небольшой, никаких проблем не было, так чего разлеживаться?

– Ой, как я хочу на него посмотреть! – Матушка аж щурится от предвкушения. – Няньку-то взяли?

Забавно, что слово «няня» в муданжском мужского рода, а если попытаться сделать из него женский, то получится слово «кормилица», но это совсем не то же самое. Кормилицы на Муданге – явление редкое, потому что у незамужних женщин обычно нет детей, а замужние не подрабатывают, тем более если у них собственные грудные дети. Так что услуги женщины-кормилицы стоят раз в двадцать больше, чем услуги мужчины-няньки.

– Взяли, взяли, – заверяет Азамат. – Пойдем, всех сама увидишь. Тебе не жарко в дилето, ма? Лето на дворе, даже у вас на севере не те погоды, чтобы так кутаться.

– А у меня ничего нарядней нет, – разводит руками матушка. – Да нормально, потерплю, жара не холод.

– Для кого наряжаться-то? – не отстает Азамат. – Тут нет никого, только мы, кошки и зверье в лесу.

– Ну так что ж я, к Императору домой в чем попало пойду? – возмущается матушка. – Сам-то в шелках!

Азамат качает головой.

– Ладно, я потрясен красотой твоего наряда. Сейчас придем, переоденешься.

– Вот правильно, я тебе всегда говорила: начинай с комплиментов.

Мы с Бойонботом ржем в кулаки, он при этом ярко-розовый.

Ребенок у нас проветривается на террасе по другую сторону дома, так что Азамат сначала проводит матушку с обзорной экскурсией по дому, неприкрыто хвастаясь, какое у него тут техническое и эстетическое совершенство. Похоже, матушка – единственный человек, с которым он не скромничает. Она, в свою очередь, так ахает и восторгается, что забывает, зачем приехала. Я решаю, что не надо им мешать и загоняю Бойонбота на кухню.

– Как твое зрение? – спрашиваю.

– Ой. – Он опять розовеет. – Вы еще помните… Вообще все это время хорошо было, но в последние несколько дней стало похуже. Не знаю, может, я слишком много в экран смотрю…

– Да нет, просто уже срок истек у линз. Надо или менять, или оперировать. Ты на Гарнет не собираешься в ближайшее время?

– Собираюсь, а как же! Я ведь вместе с Алтонгирелом прилетел, мы опять на одном корабле работаем. А завтра улетим снова.

– Тогда давай я тебе направление напишу и контакты клиники дам, а ты там возьми отпуск и подлечись. А то если сейчас новые линзы приклеить, еще полгода ждать придется, пока растворятся.

Пока я вожусь с распечатыванием, Бойонбот глазеет по сторонам, щурясь, чтобы рассмотреть всякие красивости Азаматовой работы.

– Ой, что это? – внезапно дергается он.

– Где?

– Как будто зверек какой-то промелькнул, вон там, под столом.

– У меня три кошки.

– Рыжих?

– Нет, черных…

Я заглядываю за стол, но ничего там не нахожу. Ползать на четвереньках под мебелью я пока не готова.

– Ладно, – отмахиваюсь. – Как забежало, так и выбежит.

Отдаю ему бумажки и двигаюсь на террасу.

– Чего-то вы долго гостей встречаете. – Тирбиш скучает на перилах по соседству с кроваткой, в которой детеныш спит без задних ног.

– Азамат повел матушку дом показывать, а он большой, – говорю. – Ты тут никаких зверей не впускал?

– Не-ет, – удивляется Тирбиш. – А что, завелись?

– Да вон Бойонботу кто-то под столом примерещился.

Бойонбот сконфуженно пятится и натыкается на дверь, которую как раз открывает Азамат с той стороны.

– Ну вот, ма, – тоном экскурсовода говорит он, – а тут у нас терраса, все тут и собрались.

– Ой красота-а… – вздыхает матушка, окидывая взглядом наш шикарный вид на Дол. – Вот это дворец, я понимаю… Ой, Лиза, а какой у тебя там гобелен висит! Вроде и сделан просто, а такой выразительный! И не побоялась самого Ирлик-хона выткать.

Я хихикаю.

– Так это я за успех кампании старалась… Мне сказали, надо Ирлика делать. Я, правда, до победы только половину соткала, остальное потом, времени-то не было совсем.

– Небось первый твой гобелен? – Матушка качает головой.

– Второй, первый с рыбками в детской висит.

– Ой, я и не заметила, у вас эта детская так завалена барахлом…

– Ты на малыша-то посмотреть не хочешь? – перебивает ее Азамат. Видимо, боится, что сейчас нам станут читать нотации.

– Хочу, хочу! А где?

Азамат мягко подталкивает матушку к кроватке, а дальше все тонет в возгласах восхищения, таких сладких, что мне хочется принять инсулина. М-да, бабушка из нее вышла качественная. Бойонбот и Тирбиш сходят с террасы в сторонку, чтобы не вмешиваться в наши семейные дела.

– Сама кормишь? – строго спрашивает у меня Ийзих-хон.

– Конечно, – серьезно киваю я.

– Правильно, хорошо, – одобряет она. – Я вот тоже сама кормила, вон какой здоровый вымахал! – Она похлопывает Азамата по спине. Он ужасно доволен.

После, так сказать, смотрин мы усаживаемся пить чай, и матушка все заглядывается на бескрайнюю гладь Дола.

– Рыбки бы тут половить… – мечтательно вздыхает она.

– Легко, – кивает Азамат. – Лодка есть, снасти тоже, можем завтра утром выбраться.

– Правда, что ль? – удивляется матушка. Потом щурится. – А прикормить?

Азамат смеется.

– Ты просто очень хочешь в лодке по Долу покататься. Ладно, сейчас устроим. Только переоденься, ради богов!

Матушка даже не спорит. Я показываю ей комнату, в которой она будет спать, и через пять минут она выходит в плотных широких домотканых женских штанах и кожаном жилете с грубыми металлическими заклепками.

– Ну я собралась! – бодро сообщает она. – Где у тебя лодка?

– Сейчас все будет, – усмехается Азамат, которому тоже надо переодеться во что попроще.

Ему, как и ожидалось, надарили тонну подарков, и поток все не иссякает, так что он теперь на людях исключительно в дареной одежде ходит, да и камней на нем болтается, как на Ирлике, по крайней мере на работе. Самое забавное – это серьги. Уши у Азамата не проколоты (на Муданге этого вообще не делают), а серьги вешаются на дужки вокруг уха, как очки. Первые месяца два Азамат стонал и выл, что отвык носить украшения, уши у него чешутся, пальцы от колец не гнутся и шея устает, не говоря уж о том, что выглядит он смешно в таком наряде. Но ничего, довольно быстро привык обратно. В молодости-то он любил приодеться.

Еще мне пришлось выдержать небольшую стычку с Советом Старейшин из-за Аравата. Он написал Старейшине Асундулу, что отменяет отречение, так что Азамат теперь официально считается его сыном. Сам Азамат по этому поводу предпочитает молчать и сохранять отсутствующее выражение лица. А я исхожу ядом – хорошо устроился старый гриб, как сын Императором стал, так конечно, признал мгновенно! Я даже не поехала его осматривать повторно, Янку послала, а то ненароком отравлю.

Но это все Совета не касается, только нашего духовника немного, а он обязан сохранять тайну исповеди и не может сообщить на Совете, что сын и отец, мягко говоря, не в лучших отношениях. Правда, по-моему, это и так должно быть понятно, но… Муданг… В общем, Совет намекнул Азамату, что раз у него теперь снова есть отец, то нехреново бы постричься. Азамат, как всегда, промолчал, но мне почудилось, что он колеблется. Я побегала по потолку, покудахтала, подняла Унгуца посреди ночи и принялась его пытать, как можно избежать экзекуции. Он два дня просидел в архиве, пока я бдительно караулила Азамата, чтобы не дай боги не поддался на провокацию. Наконец Унгуц возник на пороге Дома Старейшин, покрытый библиотечной пылью, и, чихая, объявил, что до сих пор Императорами Муданга становились исключительно старшие мужчины в семье и, соответственно, волос никогда не стригли. А если стричь, то встает вопрос, куда девать остриженное, так чтобы никакой злоумышленник ни одного волоска не спер, а то ведь по волосу порчу навести – нечего делать. К тому же следует прибавить, что существуют гимны, восхваляющие Императора, где его именуют «Старший Отец Народа», так что хотя бы поэтому знак старшинства следует оставить. Унгуц приводил еще какие-то веские мифологические доводы, которые я не совсем поняла, но в итоге Совет единогласно принял решение оставить все как есть.

Я слегка задумываюсь о вечном, когда чувствую, что меня саму кто-то трогает за волосы. Оказывается, это матушка.

– Забавные у тебя кудряшки, – улыбается она, поглаживая меня по загривку. – Какое счастье Азамату перепало все-таки!

– Да он сам счастье, – пожимаю плечами.

Счастье является нам в камуфляже и кликает парней: Тирбиша на службу, а Бойонбота помогать с лодкой. Азамат, как и обещал, сделал рядом с лестницей к воде эскалатор, так что я тоже с ними спускаюсь ручкой помахать. Плавать меня совершенно не тянет. Азамат вытягивает лодку из пещеры-сарая при помощи сложной веревочной конструкции и, пока Бойонбот ее придерживает, погружает туда матушку.

– Я и сама могу на борт-то шагнуть!

– Знаю, но так ведь быстрее. – Азамат подмигивает.

Потом они с Бойонботом тоже грузятся в лодку и не торопясь отчаливают. Я, как и собиралась, машу вслед и поднимаюсь на эскалаторе обратно к террасе.

Там меня встречает немного растерянный Тирбиш.

– Тут какой-то горец заходил, вас спрашивал, вот только что!

– Какой еще горец? – моргаю. Я не знаю никаких горцев.

– Молодой такой парень… Да вот только что за угол свернул! Сейчас я его окликну.

Тирбиш срывается с места, обегает террасу и дом, что-то кричит. Тишина. Он кричит еще раз. Потом возвращается.

– Не знаю, куда делся. Вот только-только вы отошли, тут он приходит. Паренек меня младше, наверное. Красивый такой, для горца даже странно.

– А как ты определил, что он горец?

– Ну как же, у него волосы такие… – Тирбиш прищелкивает пальцами, подыскивая слово. – Ну как ржавые. И на лице пятнышки мелкие. Такие только у северных горцев бывают.

– Рыжий, что ли? – уточняю. Никогда не видела рыжих муданжцев.

– Можно и так сказать, – кивает Тирбиш. Видимо, у них в языке нет специального слова для обозначения этого цвета волос. Неудивительно, впрочем, если все одинаковые… ну или почти все. – А вы точно никого такого не знаете?

– Точно, – категорически киваю я. – Я бы запомнила.

– Странно, он вел себя так, как будто вы хорошо знакомы.

– То есть?!

– Ну попросил с завтрашнего улова на его долю тоже рыбки приготовить.

Я хлопаю глазами так громко, что птицы на соседних деревьях затыкаются.

– Рыбки?.. А откуда он мог узнать, что они на рыбалку собрались?

– Вот и я удивился, – пожимает плечами Тирбиш.

Я нервно проверяю, все ли в порядке с ребенком. Он сопит и чихать хотел на галлюцинации под столом вместе с загадочными горцами.

– К Алэку он не подходил, – авторитетно заверяет Тирбиш. – Даже на террасу не поднимался, только подошел, вон там стоял.

Не то чтобы мне было сильно интересно, где он стоял, но я все-таки подхожу поглядеть. Солнце перевалило за полдень, и на этой стороне террасы сейчас локальный ад, тени никакой, только на перилах чуть-чуть, и то непонятно, что ее отбрасывает.

Я застываю. С усилием закрываю рот, пожимаю плечами и отхожу от перил по возможности с беспечным видом.

– Ну, если он завтра придет за своей рыбой, тогда и разберемся.

Я не знаю, как Тирбиш отреагирует на визит Ирлика.

Наши рыбаки возвращаются очень довольные. Матушка у нас большой фанат водных пространств, если завтра рыбалка хорошо пройдет, глядишь, и правда к нам переселится.

Ребенок как раз проснулся, напитался и потребовал общения, и матушка тут же откликнулась на призыв. Нет, мне серьезно кажется, что я могу не принимать никакого участия во взращивании этого дитяти.

А пока пользуюсь случаем и отвожу супруга в сторонку.

– Слушай, Азамат, тут походу Ирлик в гости заходил.

– Когда? – хмурится он.

– Да вот пока я вас провожала. Сказал Тирбишу, чтобы на его долю рыбы наготовили.

– И Тирбиш не окочурился и не стал заикой? – Азамат поднимает бровь. – Он, конечно, спокойный парень, но вот так невозмутимо поговорить с богом…

– А он не понял, кто это был. Он мне его описал, а потом я тень заметила.

– Что, хочешь сказать, Ирлик-хона можно *не узнать*? – Азамат щурится в неверии.

– Можно, – киваю. – Помнишь, я рассказывала, как он совсем человекоподобную форму принял? Тирбиш сказал, мол, горец какой-то заходил, рыжий. Ну а кто может с такой просьбой к нам тут зайти, спросить меня, а потом исчезнуть на ровном месте? Тем более Бойонбот утром в кухне видел какого-то рыжего зверька.

– М-да-а. – Азамат чешет подбородок. – Вообще, логично. Ирлик-хон ведь огненный бог, он воды боится, так что рыбу сам поймать не может. Ну ладно, угостим его, это не штука. Я, правда, думал попросить тебя сделать такие смешные рулетики, как ты делала пару месяцев назад, но на столько народу это долго, наверное…

– А я вас всех научу, вместе будем крутить, получится быстро, – предлагаю я. – Только ты рыбу разделай, хорошо? А то я все еще нервничаю, когда ее вижу. Я, конечно, работаю над собой, но…

– Разделаю и закопчу, не беспокойся.

– Ну тогда все отлично, – улыбаюсь.

– Надо будет только немного в доме прибраться. – Азамат оглядывает валяющиеся ровным слоем по террасе детские вещи.

– Азамат-хян! – окликает его матушка. – Пойдем, куда вы там мои сумки отнесли, я же тебе сорочек нашила!

Глава 3

Наши мореплаватели привезли море рыбы. Уж казалось бы, живу тут почти год, а все никак не привыкну к муданжским масштабам. Дома мы с друзьями иногда выбирались на какую-нибудь соседнюю планету-питомник, где можно довольно дешево порыбачить, но то, что мы там вылавливали даже в самые удачные дни, не идет ни в какое сравнение с муданжским изобилием. И это Азамат с матушкой на удочки ловили, потому что сетью получаются сразу промышленные количества.

Азамат оттаскивает трепещущие мешки за скальный выступ, где у нас оборудован уличный очаг, чтобы не чадить в доме всякими дымными блюдами. Матушка, едва перекусив, семенит следом, закатывая рукава, а Тирбиш провожает ее таким взглядом, что я его тоже отпускаю повозиться с рыбой. Один Бойонбот сразу после рыбалки заваливается спать. Он сегодня поздно вечером улетает в космос вместе с Алтонгирелом, а ночью ему поспать не удалось, шакалий вой мешал и вообще всякие жуткие звуки из леса. У нас с Азаматом и у Тирбиша окна на Дол, матушка ко всяким ночным звукам привыкла в своей деревне, а Бойонбот родился на Броге и большую часть жизни провел не на Муданге, так что звуки дикой природы на него действуют устрашающе.

Когда рыба готова, мы садимся всем миром крутить роллы. Матушка сначала ворчит, мол, баловство это, готовую еду в рулоны скручивать, а с едой, мол, негоже баловаться, но процесс настолько затягивает, что вскоре ее уже ничто не смущает.

– Наверное, хватит уже, – неохотно говорит Тирбиш. – Мы столько не съедим.

– А нас еще на одного больше будет, – невозмутимо сообщает Азамат.

– Это кто ж пожалует? – удивляется матушка. – Вы что тут, всю округу со своего стола кормите?

– Да нет, это один хороший знакомый. – Азамат лукаво на меня поглядывает, я киваю. – Он вчера заходил, только Тирбиша застал.

– А, этот горец! – восклицает Тирбиш. – Так вы его все-таки знаете?

– Да, знаем, – подтверждаю. – Просто вчера по твоему описанию не поняла, а потом догадалась.

– А кто он такой? – с любопытством спрашивает Тирбиш.

– Странствующий охотник, – не моргнув глазом врет Азамат. Хотя кто знает этого Ирлика, может, это и правда. – Он участвовал в последней войне, сильно помог в одном хитром деле… – Азамат неопределенно машет рукой, якобы не хочет ворошить едва забытые военные переживания. – В общем, я ему лично весьма благодарен, так что у моего стола ему всегда есть место.

Мне мерещится какой-то смешной звук, как будто мышь чихнула.

– Ну ладно, – разрешает матушка. – Раз ты у него в долгу, то конечно, но вообще-то лучше бы ты гостей у себя в столице принимал. А то что за дело – тут ребенок маленький, жена еще от родов не отошла, и вдруг каких-то посторонних мужиков в дом пускать!

Я открываю рот сказать, что этот конкретный мужик нашего ребенка внутриутробно благословить успел, не говоря уже о прочем, но боюсь, что тогда Тирбиш догадается, о ком речь.

– Ты, ма, не волнуйся. – Азамат передает ей очередную «колбаску» для нарезания. – У меня есть пара идей, кого пускать к ребенку, а кого нет. Уж позволь мне в собственном доме решать. И гостя моего не обижай. – Он легонько постукивает кулаком по столу, усмехаясь.

Матушка тоже прыскает.

– Ладно уж, ладно тебе, знаю, что сам с головой. Ишь как за поводья взялся! – добавляет она, подмигивая мне. – Тебя-то еще не загонял?

– Меня загоняешь, – фыркаю я.

– Да уж, и то правда, – благодушно соглашается матушка.

– Хотон-хон, а что это за штука, в которую мы все заворачиваем? – переводит тему Тирбиш.

– Не поверишь, водоросли, – хмыкаю я.

На последнем месяце беременности я вдруг страшно соскучилась по сушеной морской капусте, которую имею привычку грызть, как чипсы, и послала родственникам запрос. Сашка, которому вусмерть надоело все время мне что-нибудь посылать, закупил сразу кубометр, благо продукт не портится. Можно подумать, я ему отсюда не шлю вкусностей, не говоря уж об изготовленных вручную драгоценностях, подарках из кожи и дерева для детей и коллег и даже национальной одежде. Удивительное совпадение, что именно в этом году на Земле мода на шмотки а-ля этническая одежда народов расселения. Так что Сашка теперь щеголяет на работе бирюзовыми, синими и алыми шелковыми рубашками с вышивкой, аутентичнее некуда. На Муданге всякая мастерица считает своим долгом сшить что-нибудь Императору хотя бы раз в год, но не у всех есть представление о габаритах этого самого Императора, так что куча одежды оседает на родных и близких. Интересно, кстати, как там у мальчика-художника портрет продвигается. Надеюсь, он хорошо понял идею.

Мы закончили крутить, когда кончился вареный рис, и это кое-что говорит о масштабах бедствия. На Муданге принято всем есть на кухне, а не уносить в комнату, так что ничего перекладывать и сервировать не надо, только стол протереть немного. Я так понимаю, это связано с тем, что гости предпочитают видеть, как еда готовится, – и для безопасности, и рецептик записать.

Как раз когда я начинаю думать, переходить нам к поглощению сразу или все-таки дождаться Ирлика, раздается звонок в дверь. Азамат идет открывать, изо всех сил стараясь не спешить. На вид-то он совершенно спокоен, но думаю, что в душе все-таки немного нервничает. Я слышу обмен приветствиями в прихожей, хотя сквозь стену голоса звучат глухо и неразборчиво, а потом на пороге кухни появляется Ирлик собственной персоной.

К счастью, он выглядит по-человечески, а не, кхм, по-божески. Морковно-рыжие волосы в несколько кос заплел, нарядился в изумрудно-зеленую рубашку с золотой вышивкой и мшистого цвета штаны, заправленные в сапоги-чулки; за спиной небольшая котомка. Что ж, и правда похож на охотника в базарный день.

– Рад всех видеть! – весело сообщает он, улыбаясь белоснежными зубами с легким металлическим отблеском. – Меня Змееловом кличут, извольте новому человеку плошку поставить!

Плошка ему, впрочем, уже стоит. Тирбиш хихикает и привстает, называясь настоящим именем. Он, кажется, единственный из моих муданжских знакомых не держит имени в секрете, хотя если учесть, что оно значит «не тот»… видимо, с ним и так ничего не сделаешь.

– Ишь ты как выражается диковинно, – смеется матушка, восседающая во главе стола, – прям как наш Старейшина.

– Это вот моя мать. – Азамат тут же ее представляет.

– Великая женщина. – Ирлик легко кланяется. – Вся планета вам благодарна за такого сына!

– Да ладно, уж ты скажешь. – Матушка отмахивается, розовея. – Я-то что! Он сам с головой, да…

Ирлик приземляется рядом с Азаматом напротив меня.

– Здравствуй и ты, Хотон-хон, – лукаво говорит он, подмигивая мне.

– Здравствуйте, – улыбаюсь. Мне несколько неловко – в прошлый раз я с ним была на «ты» и вообще держалась по-хамски. Конечно, он сам виноват, но продолжать в том же духе я не хочу, а возвращаться к вежливому обращению тоже странно.

– Азамат, я впал в немилость у твоей супруги, – тут же обиженно заявляет Ирлик, повернувшись к Азамату всем корпусом. – Она мне выкает!

– Она просто сегодня вежливо настроена, – улыбается Азамат.

– Ну что, может, приступим? – предлагаю я, снимая крышку с гигантского блюда, выложенного роллами, как мозаикой.

Ирлик тут же забывает все обиды и набрасывается на угощение. Матушка сдвигает брови, но удерживается от замечаний, и скоро мы все дружно чавкаем. Оказывается, все были ужасно голодные. Минут через пять нашей трапезы является заспанный Бойонбот.

– Ой, а что это вы такое едите? – интересуется он, потом замечает Ирлика. – Ой, здравствуйте, извините… – Он стремительно краснеет.

– Привет! – Ирлик машет ему роллом. – Мы едим нечто настолько потрясающее, что не успеваем рта раскрыть, чтобы похвалить хозяйку! Так что советую тебе поторопиться!

– Спасибо. – Бойонбот неловко присаживается рядом с Тирбишем, который сразу начинает объяснять, что куда макать, и как есть, и что там внутри.

– Мм, как же я давно не едал рыбки, – сладострастно протягивает Ирлик. – Хотон-хон, ты волшебница.

– Чего ж раньше не заходил? – пожимаю плечами. – Мы рыбу часто делаем.

– Не мог! – восклицает он, воздевая перепачканные руки к потолку. – Дел было по брови, хозяйство восстанавливал после этих… – Он косится на матушку и отмахивается. – А, ладно, если я их правильным именем назову, ваша старейшая дама, – он комично кланяется, – меня из-за стола погонит.

– Вот и нечего, – соглашается матушка, методично купая ролл в соусе. – Очень вкусно, Лиза, правда.

– А я, между прочим, с гостинцем, – сообщает нам Ирлик заговорщицким тоном. Азамат приподнимает бровь. Я протягиваю богу салфетку руки вытереть. Он долго полирует каждый палец, потом поднимает ладонь, дескать, подождите, развязывает свою котомку и извлекает на свет огромную пузатую бутыль с зеленой, в цвет рубахи, жидкостью. – Извольте угоститься, молодое вино из драконьих яиц.

Судя по аханью за столом, это что-то очень крутое, но я только давлюсь.

– Прости, я не в курсе… из *чего*?

– Это такой фрукт, – тут же поясняет Азамат. – Очень ценный и, э-э, труднодобываемый.

– Ну, если честно, – Ирлик оборачивается к нему и подмигивает, – у меня есть одно местечко, где их ничего не стоит собрать. Ну что, – он переводит задорный взгляд на Тирбиша с Бойонботом, – кто против меня? Самый стойкий узнает, как туда добраться! Ты как, Ахмад-хон?

– Не-ет, я мимо. – Азамат откидывается на спинку стула. – Мне сегодня еще в столицу лететь. Я так только, попробую.

А сам парням взглядом показывает, мол, не вздумайте! Но они, кажется, соблазнились.

– Мы попытаемся. – Тирбиш улыбается во все шестьдесят четыре зуба.

– Да, если позволите, – поддакивает Бойонбот.

– Тебе вообще-то тоже сегодня в столицу лететь, – сообщает ему Азамат.

– Ну… я позвоню ребятам, пускай без меня летят, я их на Броге догоню.

Азамат сдвигает брови.

– Ну пожалуйста, Ахмад-хон! – умоляет Бойонбот. – Я про это вино только в сказках слышал! Разве можно такой шанс упускать! Я с вами поделюсь, если вдруг выиграю.

Азамат хохочет, а Ирлик делает вид, что он тут ни при чем.

– Ой, мужики, – качает головой матушка.

Меня саму смех разбирает. Не знаю уж, чем так хороши эти драконьи яйца, но перепить бога нашим ребятам точно не удастся, им даже Ирнчина перепить не удается. Однако Ирлик явно настроен сохранять инкогнито, а меня отвлекает писк радионяни – наверху проснулось чадушко.

– Оставьте мне немножко, – говорю. – А то меня долг зовет.

– Ой, да, Лиза! – спохватывается Ирлик. – Покажи ребеночка-то, я же его еще снаружи не видел!

Я ухожу, предоставив ему самому выкручиваться, если кто-нибудь заметил оговорку про «снаружи». Интересно, у него ультразвуковое зрение? Или слух? Или в ладонях локаторы?

Когда я после кормления спускаюсь с мелким в кухню, от суши остается хорошо если треть, а все уже сытые, даже Ирлик. Видимо, в человеческой форме он и насыщается как человек. Азамат встает и перехватывает у меня ребенка, то ли чтобы мне удобнее за стол было садиться, то ли опасается каких-нибудь финтов от Ирлика.

– Вот, знакомьтесь. – Азамат демонстрирует наше произведение.

Ирлик так долго и внимательно смотрит на мелкого, что матушка начинает ерзать на стуле. Потом осторожно проводит ладонью по жидким детским волосенкам.

– Хороший…

Ребенок улыбается.

– Ух ты! – удивляется Тирбиш. – Как вы на детей хорошо действуете! Он еще ни разу не улыбался.

– Теперь будет часто, – подмигивает Ирлик. – Веселый будет парень, душа компании.

Матушка фыркает.

– Тоже мне предсказатель нашелся! Это вон на отца взглянуть достаточно, чтоб предсказать!

Ирлик так заходится хохотом, что чуть не опрокидывается вместе со стулом, а мелкий вторит ему птичьим попискиванием. Я только головой качаю, глядя на это безобразие.

Азамат подвешивает по правую руку от себя над кухонным диванчиком люльку и укладывает туда мелкого. Ирлик, отсмеявшись, откупоривает бутылку, Тирбиш достает невообразимо красивые крошечные хризолитовые пиалушки, и Ирлик своей рукой их всем наполняет.

– Вы-то будете? – спрашивает он сурово глядящую матушку.

– Да нехорошо вообще-то, в мужском обществе, – вздыхает она. – А с другой стороны, когда еще доведется…

– Хотите, мы с вами в гостиную уйдем? – хихикаю я.

– А ты будешь? – уточняет она.

– Конечно, любопытно же!

– Ну ладно, тогда я тоже буду. Но чуть-чуть!

Мы провозглашаем тост за здоровье наследника. Вино оказывается действительно очень хорошим. Свежее такое, с интересным вкусом, немного похоже на персик, хотя вроде цитрусовое… Муданжцы, отпив, принимаются хвалить, перечисляя всякие недоступные мне, простому пользователю, характеристики типа многоцветности и проникновенности, если я правильно перевожу с муданжского, а потом углубляются в обсуждение, сколько именно часов надо выдерживать какую-то загадочную первую фазу, чтобы получить наилучший результат. Видимо, эту жидкость очень сложно приготовить. Ну ладно, мне-то что, пью и не заморачиваюсь.

После третьей пиалы Азамат с матушкой отказываются, а парни уже показывают первые признаки опьянения. Матушка предлагает мне пойти проветриться на веранду, пока «эти пьянчужки» тут пытаются выиграть свой приз. Мы прогуливаемся по высокому берегу,

обсуждая сравнительное удобство муданжских и земных детских одежек, занятость Азамата и красоту пейзажа. Потом она решает, что ей положен послеобеденный сон, и удаляется в свою комнату.

Азамат просит разрешения гостя и тоже встает из-за стола: ему надо собираться в дорогу. Вино на него почти не подействовало, а до вылета совсем выветрится, так что он категорически намерен сегодня улететь. Бойонбот с Тирбишем все еще пытаются перепить Ирлика, хотя у обоих уже языки заплетаются, да и сидят они как-то криво.

– Помочь вам, что ли, – хихикаю, садясь на свое место.

– Им? – Ирлик кивает на парней. – Или мне?

– Да ты-то и сам хорошо справляешься, – говорю. Он наливает мне вина. Кажется, эта бутылка вообще не пустеет. Уже все упились, а там еще половина.

– Да-а, я столько воздерживался, что сегодня уж оторвусь. – Он подмигивает. – За безделье!

– А можно спросить? – Я чокаюсь с ним. Он кивает. – Какое такое хозяйство ты все это время восстанавливал?

Ирлик оглядывается на наших сотрапезников, один из которых уже спит на коленях у другого, и решает, что они все равно ничего не воспримут.

– Подземное Царство, конечно! Ты ж видела, на что оно было похоже!

– Видеть-то я видела, но откуда ж мне знать, как оно должно выглядеть…

– Ах да. – Он отмахивается. – Я все время забываю, что ты не из нас.

– Ты в этом не одинок, – фыркаю. – Кстати, тебе действительно удобнее, что я на «ты»?

– А, без разницы. Это я так, мужа твоего подразнить. Хороший он мужик, кстати. И воин хороший, и вообще.

– Знаю, – улыбаюсь. – А можно еще спросить?

– Можно, только не про Подземное Царство, – усмехается он. – А то еще под вино выболтаю что-нибудь, а тебе знать не положено.

– Ой, нет, это мне совершенно не интересно, – успокаиваю его. – Я вот про что… тут периодически зверек мелькает, рыженький такой… Ты за нами все время присматриваешь, что ли?

Ирлик наливает нам еще по одной.

– Ну вот прям, – говорит он медленно, потом осушает пиалу, – делать мне больше нечего. Я к вам сторожа приставил. Тварь бессловесная, но если что плохое случится, сразу донесет.

– Спасибо! – говорю удивленно и искренне.

– Да нечего делать, – отмахивается Ирлик. – У меня этих сторожей… интересных людей столько нету. Да и у вас оба духовника такие, что ни один вменяемый знающий близко не подойдет. Зато вот, – он вдруг подмигивает, – прослышал о рыбалке. Эххх, поселиться у вас, что ли, до конца месяца?

– Не думаю, что мы до конца месяца тут просидим, – говорю. – Азамат работает, я тоже скоро приступлю, буду разъезжать. Вот в следующем месяце, когда Азамат опять себе отдых выкроит, устроим тебе пир.

– В следующем я не смогу-у, – обиженно тянет Ирлик и наливает еще. – Следующий месяц будет месяц Учока, а он меня терпеть не может. Да и дождливо будет. – Он передергивает плечами. – Теперь до самой зимы не вылезу, карлик-то со мной не сладит.

– Как у вас все сложно, – качаю головой. – Ну давай за скорейшую следующую встречу.

– Давай!

Мы выпиваем. Потом еще, и еще… и еще. Я ощущаю приятную отстраненность от реальности и принимаюсь хохотать от каждой глупости, хотя шутки Ирлика, наверное, действительно смешные. Сам Ирлик постепенно распластывается по столешнице под стать Тир-

бишу. При попытке налить еще он так неловко держит бутылку, что я решаю помочь, а то как бы не разлил драгоценный напиток. Он зачем-то ловит мою руку на бутылке и несколько секунд держит, потом отпускает.

– Эх, Лиза-хян… соблазнил бы я тебя, да не выйдет…

– Почему? – искренне удивляюсь я, не сразу осознав, что он сказал. – То есть хорошо, что не выйдет, еще чего! Просто любопытно почему…

– Волос длинный, – вздыхает он. – Верная жена волос растит, от искусителей ограждается. Может, пострижешься?

Я мотаю головой по-муданжски: поворачиваю до упора то в одну сторону, то в другую. Этот жест мне и стрезва кажется смешным, а сейчас я просто покатываюсь со смеху.

– Опять ты надо мной смеешься! – Ирлик с досадой хлопает ладонью по столу. – Ладно уж, понял, что мне тут ловить нечего.

С горя он одним глотком осушает бутылку и с грохотом ставит ее на стол. От внезапного звука Тирбиш вздрагивает во сне и падает на пол, увлекая за собой спящего поперек него Бойонбота. Шум выходит такой, что Азамат прибегает сверху с вытаращенными глазами – и застывает на пороге, обозревая поле боя. Выражение его лица быстро меняется с перепуганного на укоризненное.

– Они все-таки допились.

– Да мы тут все хороши. – Я медленно встаю из-за стола, чтобы голова не закружилась, но вроде ничего, моторика у меня нескоро нарушается.

Однако Азамат замечает, что я с трудом говорю.

– Лиза, ты что, тоже с ними?..

– Да я не с ними, я так… Заболталась с Ирликом, а он все подливает… Всю бутылку усидели на двоих.

Азамат уже у локтя, придерживает, чтобы не упала. Да нормально я стою!

– Лиза, ну ты что! Эти-то двое не знали, но, стесняюсь напомнить, Ирлик-хон все-таки бог, разве можно с ним питейные соревнования устраивать!

– Говорю тебе, я не со… соревновалась. Просто трепались мы… Кстати. – Я наклоняюсь над столом, что Азамат принимает за падение и тут же тянет меня обратно. – Да пусти, я посмотреть хочу… Ирлик? Ты с нами? Ау! – Я распрямляюсь. – Слушай, он сам задрых.

Мы стоим и несколько секунд просто смотрим друг на друга, а потом начинаем ржать.

Отсмеявшись, Азамат достает телефон и, отойдя в сторонку, чтобы не будить спящих, звонит Алтонгирелу.

– Слушай, тут такое дело… Нет, я еще не вылетел… Нет, и Бойонбот тоже… Да подожди, я как раз звоню объяснить почему! И не кричи. Понимаешь, к нам в гости зашел Ирлик-хон и принес бутыль вина из драконьих яиц. Нет, я-то как раз трезвый! Да не ори же ты, говорю! Ты что, не отличаешь, когда я пьяный, что ли? Вот именно. Слушай дальше. Они все напились и спят. Да, Бойонбот с Тирбишем. И сам Ирлик-хон тоже. Нет, не шучу. Ты можешь догадаться, что это не очень смешно.

Вопреки собственному утверждению Азамат начинает посмеиваться и утирает тыльной стороной ладони левый глаз.

– Так вот… Боюсь, что ни Бойонбот, ни я сегодня никуда не полетим. Я бы мог его погрузить на заднее сиденье и привезти, конечно, но мне не хочется оставлять Лизу один на один с пьяным богом, ты же понимаешь… Может, отложишь вылет до завтра? А то мне бы хотелось с тобой увидеться. Ну, скажи, что тебе было предсказание, будто сегодня несчастливая ночь для вылета. Вообще, я буду тебе очень благодарен, если ты зайдешь к Ажгдийдимидину и все это ему перескажешь, а то… ну, я немного волнуюсь, что тут будет завтра утром. Нет, конечно, я никому не расскажу. Ну давай, перезванивай.

Повесив трубку, Азамат выходит в прихожую, где еще некоторое время хохочет до слез. Я стою рядом и жду, пока его отпустит.

– Слушай, – говорю, когда он немного успокаивается. – Надо бы их по койкам разложить…

– Обязательно. Ты сама-то как?

– Да я отлично, чуток веселая, и все. Ты же знаешь, мы, земляне, устойчивые к алкоголю.

– Ну ладно, смотри. Только не вздумай сама их тягать, тебе нельзя поднимать тяжести.

– Да я думала каталку разложить, только вот куда мы их класть будем? Матушка у себя уже спит, Тирбиша к ребенку в таком состоянии класть неразумно. Остается мой кабинет, гостиная и третий этаж без кроватей. Кого куда?

Азамат ненадолго задумывается.

– Ирлика в комнату Алэка, – наконец решает он. – Только белье сменить из-под Тирбиша. Алэка с кроваткой заберем к себе. А этих двоих на третий этаж, им сейчас даже лучше без кроватей.

– А Ирлик не грохнется? А что, если он во сне обычную форму примет?

– Не знаю. – Азамат разводит руками. – Может, Старейшина чего подскажет.

Мы поднимаемся в мой кабинет и выносим каталку. Потом спускаемся, раскладываем ее и взгромождаем на нее Ирлика. Вернее, это Азамат взгромождает, а я только по-идиотски хихикаю. Азамат и сам с трудом сдерживается.

– Тяж-желый!

Мы поднимаемся обратно, я меняю постельное белье, и Азамат стаскивает Ирлика на кровать, заботливо укрыв одеялом. Мы еще некоторое время раздумываем, снимать ли с него сапоги, но решаем не трогать, чего доброго проснется не в духе. Выкатываем кроватку и уходим на цыпочках. Потом раскатываем матрацы на третьем этаже и перемещаем на них ребят тем же макаром, только гораздо спокойнее.

Под занавес нам еще ребенок, внезапно проснувшийся в одиночестве на кухне, устраивает форменный скандал, но, к счастью, звукоизоляция в доме хорошая. Стоит нам успокоить мелкого, как звонит Алтоша. Мы оба подпрыгиваем, ребенок снова заводится, я начинаю хохотать, Азамат тоже, но трубку-то взять надо, а то кто их знает, что они там подумают.

– Да, да! – выдавливает Азамат в трубку сквозь хохот. – Нет, все отлично. – Он вытирает глаза первым, что попало под руку – уголком чистого подгузника. – Да нет, я просто смеюсь, тут такое безумие… да хорошо все, говорю! Уймись, Алтонгирел. У нас по-прежнему все спят. Мы их только на кровати уложили. Просто – я не знаю, ты сам-то это вино пробовал? Оно очень сильно веселит. Так что сказал Старейшина? Гм… У нас только камин в гостиной. Ладно, я ему спиртовку поставлю. Так вы завтра улетаете? А, что? Да, я обязательно поговорю со Старейшиной, как только доберусь до столицы. Н-ну да, и с Лизой поговорю… Да не переживай ты, все хорошо! Боги, Алтонгирел, ты так волнуешься, что я опять смеяться начинаю! Да, я тебя понял, хорошо, все, до завтра!

– Чего он тебе наговорил? – интересуюсь, баюкая мелкого. Когда я разговариваю, он легче засыпает, кажется.

– Сказал, что надо Ирлику поставить какой-нибудь источник огня, он им умывается… по слухам.

– Он нам дом не подпалит?

– Ну что ты, Лиза, он ведь повелевает стихией огня!

– А сам себе наколдовать не может?

– Может, но это дань вежливости.

– Ладно, – вздыхаю. – Под твою ответственность. А о чем ты должен со мной поговорить?

Азамат отмахивается:

– Потом. Вот шакал, на дворе-то еще светло, а мне все кажется, что ночь поздняя! Ну вино!

Снабдив Ирлика видавшей виды спиртовой горелкой, мы по очереди принимаем душ и устраиваемся на веранде наблюдать закат.

– О чем вы с Ирликом так разговорились-то? – интересуется Азамат.

– Ну как же, мне ведь страшно любопытно с богом потрепаться! Я его стала расспрашивать обо всякой пурге. Он, например, сказал, что приставил к нам мангуста-сторожа, чтобы знать, если вдруг с нами что плохое случится.

– Ого! Как он о тебе заботится!

– Не только обо мне. Он очень тебе симпатизирует.

– М-да? – Азамат недоверчиво приподнимает бровь. – А он тебе ничего… не предлагал?

Я закатываю глаза.

– Он, когда совсем упился, сказал, что предложил бы, но не может, потому что у меня волосы длинные.

У Азамата обе брови ползут вверх, сколько лоб позволяет.

– На него это *так* действует?

– Ага. А ты не знал?

– Нет… Это ведь просто условность… А ты знала?

– Я вообще не знала, что значат длинные волосы у женщин.

– Кхэ, вообще-то я тебе говорил, давно еще. Верность мужу они значат.

– Э-э… да? А я была в сознании?

Азамат задумывается, припоминает.

– Не уверен. Ты хотела спать, это было рано утром. Ладно, наверное, ты и правда не услышала. – Он кивает своим мыслям и разгрызает маньчжурский орех из вазочки, мне на это смотреть страшно. – М-да, я думал, ты понимаешь.

– Теперь понимаю, – пожимаю плечами. – Буду растить косы, раз такое дело. У меня в институте были. Расчесывать, конечно, морока, кудрявые же, но отбиваться от Ирлика мне еще меньше нравится.

Азамат разгрызает еще орех, выковыривает ядрышко и отдает мне.

– Я лучше бога?

– Конечно, лучше! Зачем мне этот алкоголик-пироманьяк? Только, Азаматик, давай ты будешь колоть орехи орехоколом, а то у меня прям все внутри переворачивается, зубы твои жалко!

Азамат смеется и подгребает меня поближе.

– Это я так, дурачусь. Волосы там, не волосы… Знаю, что беспокоиться не о чем, просто приятно это лишний раз услышать. – Он целует меня, а потом принюхивается. – Все еще вином пахнешь. Сколько ж ты его выпила?

– Сколько Ирлик налил. Ну чего ты? Оно что, вредное?

– Оно-то как раз полезное! – усмехается Азамат. – Это ведь эликсир удачи.

– Да-а?! А чего ж ты так мало выпил?

– Я выпил ровно столько, сколько нужно. Три тоста. Дальше, сколько ни пей, больше удачи не станет, только опьянеешь. Ну, во всяком случае, так в легендах говорится. Я его один раз всего пил до сих пор, и только один тост, так что на собственном опыте судить не могу. Очень уж редкие эти фрукты.

– А они правда фрукты? Такое название смешное…

– Да-да, а по-другому они называются мангустовы яблоки. Тирбишу с Бойонботом выговор устрою за недогадливость, когда проснутся. Кто еще мог эликсира удачи в таком количестве принести, как не бог?

– Знаешь, – говорю, подумав, – лучше не планируй их ругать.

– Почему?

– Ну, если они напились этого эликсира, то вполне может так выйти, что ты почему-нибудь не сможешь устроить им выговор. Ты, конечно, его тоже пил, то есть ничего плохого не случится, но… лучше не напрашиваться, правда же?

Мы снова покатываемся, и наш смех гулко отдается о скалы и разносится над розово-оранжевыми закатными водами Дола.

Глава 4

Мой опыт показывает, что вино из драконьих яиц, выпитое за ужином, делает утро радужно прекрасным. За окном сияющее зеркало Дола, которое, наверное, никогда не перестанет меня восхищать, легкий ветер треплет макушки сосен, иногда заклекочет какая-нибудь морская птица, а в остальном тишь и благодать. Ребенка в кроватке нету, надо думать, Азамат забрал. А впрочем, вот и они.

Азамат заходит с мелким в одной руке и кружкой кофе в другой. Той самой кружкой, что я на Гарнете покупала.

– Проснулась? А я научился из бутылочки кормить. – Он пристраивает мелкого рядом со мной на подушку.

– Ах вот почему мне удалось так долго проспать. – Я сладко потягиваюсь. – Надо будет сейчас еще сцедить, пока кофе не выпила, а то зачем ребенку кофеин? Правда же не нужен?

Мелкий издает пару писков, не очень разумно таращась в потолок.

Азамат подает мне молокоотсос и наблюдает за моими манипуляциями, задумчиво покачивая головой. Мысль, что материнское молоко можно слить, заморозить и скармливать отпрыску по мере надобности, для муданжцев оказалась просто революционной. Даже Орива смотрела на меня квадратными глазами, когда я упомянула о такой возможности еще до родов. Однако эта идея стремительно распространилась, мамаши радостно кинулись спихивать кормление на няньку, при этом совершенно не соблюдая технику безопасности. Пришлось мне срочно писать и вывешивать в местную Сеть мануал, а Азамат послал на Гарнет торгового представителя закупить молокоотсосы и молокогрейки, которые правильно размораживают и не перегревают молоко. В кои-то веки стремление муданжских женщин во всем мне подражать дало положительные результаты: они действительно очень стараются сделать в точности так, как я написала в мануале, так что, надо надеяться, детям они не навредят. Но вообще неприятная это история. С одной стороны, жалко теток, которым надо постоянно быть при младенце, ни поспать нормально, ни развеяться. С другой, у муданжек вообще материнский инстинкт слабовато развит, а теперь многие целиком спихнули заботу о детях на мужей. С третьей стороны, стало больше кормилиц, потому что передача продукта потребителю существенно упростилась. В общем, я убеждаю себя, что так все же лучше, а если какая мамаша своего новорожденного рада век не видать, так ее отношение не улучшится, если он ей еще и спать не дает по ночам.

– Как наши гости? – спрашиваю. – Кто-нибудь встал?

– Ма поднялась. Застала меня на кухне за кормлением, обиделась на тебя – ты ж ей позавчера сказала, что сама кормишь. Никак не верила, что молоко твое, думала, козье. Потребовала попробовать, дескать, по вкусу сразу отличит. Я дал немножко, ты не против?

– Да пожалуйста, у меня много, – смеюсь. – Ну она поверила?

– Да, на вкус узнала и устыдилась. Теперь очень жалеет, что в ее время до этого не додумались.

Закончив сцеживание, предлагаю мелкому десерт, но он категорически заявляет, что сыт. Мы с Азаматом еще некоторое время тискаем его. Ворковать с ребенком, как и с кошками, я могу только на родном языке. Наслушавшись Азамата, я нахваталась всяких умильных словечек, но просто повторять за ним – это ведь совсем не то же самое, как нести разнообразный трогательный бред самостоятельно. Азамата очень смешат звуки, которые я издаю. Он даже выучил несколько более-менее осмысленных слов типа «котик», «лапочка», «масенький» и что мне еще не стыдно было переводить.

– Этак я вместе с ним твой язык выучу, – хмыкает Азамат.

– Было бы неплохо, особенно если учесть, что моя мама говорит только на нем.

Азамат ненадолго задумывается.

– Вообще, можно и ускорить процесс, наверное. У вас ведь есть какие-нибудь курсы, учебники, да? Если уж я всеобщий освоил и даже по-джингошски понимаю, может, и твой как-нибудь выучу?

– Я спрошу у бабушки. Она у меня всю жизнь наш язык преподает, она и курсы подскажет, и какой учебник получше. Она, правда, суровая, все-таки начальница.

– Вот и отлично! Но я не устаю поражаться, твоя бабушка ведь уже пожилая женщина – и все еще работает?

– Ну, она преподает… Вон, у Старейшины Асундула жена ведет детский клуб, а она моей бабки не моложе.

– То все-таки дети… А я вот даже не знаю, смог бы я в молодости учиться у женщины? Это сейчас я, тебя хорошо узнав, понимаю, что женщина может разбираться в какой-то сложной профессии. Но я даже представить себе не могу, сколько времени должно пройти и что вообще надо делать, чтобы наши обычные парни согласились учиться в школе у женщины.

– Это ты мою бабушку не видел, – смеюсь. – Она не то что вашу молодежь, она ваших Старейшин учиться заставит.

Мы спускаемся вниз, где Азаматова матушка уже наварила чомы на плотный муданжский завтрак.

– Здравствуйте, имигчи-хон! Как спалось?

– Ой, Лиза, не говори! Я как завалилась после обеда, так до утра и придавила! Старая я стала вино пить.

– Ну чувствуете-то себя хорошо?

– Отлично! Прям как заново родилась! Да такой зуд в руках, делом заняться хочется. Вот, копченой рыбки подогрела, чомы сварила… Да ты садись, Лиза, чего в холодильнике роешься?

– Я рыбу на завтрак не могу, мне надо чего-нибудь сладкого. Сейчас вот пару яиц взболтаю с ягодой, будет бисквит.

Яйца лебяжьи с фермы в восьми километрах к востоку. Ягоду нам поставляет семья сторожа, они ее в промышленных количествах собирают, нам-то некогда, да и местный лесной гнус ни одного репеллента не боится.

Азамат слегка прибирается на кухне – ставит мыть детскую посуду, протирает стол и плиту, походу обнаруживает, что два моих кота угнездились в не убранной вовремя кастрюле. Котов приходится гнать, кастрюлю мыть.

– Ой, наши котята! – узнает матушка. – Вот озорники, это ж надо было в кастрюлю влезть! Ну как они тебе, не мешают?

– Отличные котята! – говорю. – Кстати, надо бы их побаловать. Азамат, какое у нас молоко свежее? Ну-ка, кися-кися…

Обычно на мой призывный клич они все трое являются, где бы ни были, но в этот раз третий, который Мюон, видимо, совсем загулял. Матушка глядит, как кошаки лакают из блюдца, и только головой качает.

– Как наши красавцы? Не появлялись? – спрашивает Азамат, разваливаясь на диване.

– Пока нет, – хихикает матушка. – Я утром на лестницу к третьему этажу выглянула, там такой храп стоит! А Змеелов ваш тихий. Странный он вообще.

– Да, есть немного, – охотно соглашается Азамат. – Ну так знаешь, ма, мы тут все со странностями, а одинаковым-то скучно.

– Обо мне говорите? – вопрошает легкий на помине Ирлик. Он тоже в хорошем настроении, видимо, от этого вина вообще похмелья не бывает. На плече у него сидит Мюон. Ясно, почему он за молоком не прибежал.

– А как же! – отвечаю, поскольку остальные несколько растерялись. – Беспокоимся, дорогого гостя долго не видно.

Ирлик хохочет и плюхается на диван рядом с Азаматом. Мюон вальяжно перемещается с его плеча на подоконник и принимается умываться.

– Эх, мягкие у тебя кровати, Байч-Харах! Где такую шерсть пуховую берешь только?

– У меня брат овец разводит как раз на шерсть для дифжир.

– Ишь ты как хорошо устроился! Наведаться, что ли, к твоему брату? Он как, не очень нервный?

– Есть немного, – признает Азамат. – Уж не пугайте его, будьте так добры.

Ирлик оглашает кухню еще одним зарядом заразительного смеха. Матушка качает головой и ставит перед ним огромную пиалу с рыбой и чомой.

– На вот, поешь, пока весь дом не перебудил!

– Всенепременно, как повелит старейшая дама! – Ирлик комично кланяется и набрасывается на еду, как будто месяц голодал.

– Хорошо у тебя, Байч-Харах, – хвалит он с набитым ртом. – Жаль, я тебя к себе пригласить не могу. – И подмигивает.

– Сохраните свое гостеприимство до поры, – ухмыляется Азамат. – В конце концов понадобится.

– О чем речь, конечно! – Ирлик смеется и давится.

Я извлекаю из духовки бисквит и громко ставлю его на стол, доводя до всеобщего сведения, что мне не нравится тема застольной беседы. После этого усаживаюсь напротив Азамата и тоже приступаю к завтраку.

– О, кстати! – Ирлик хлопает себя по коленке. – Хотон-хон, ты ведь вчера у меня выиграла. С меня адресок. Давай карту, что ли.

Я приношу из гостиной карту – ту, по которой весной военные действия планировали, – и раскладываю на столе.

– Вот. Только я все равно вряд ли попрусь туда фрукты собирать. И уж точно не одна. – Зеваю. – Так что считай, что это Азамат выиграл.

– Я уж догадываюсь, что ты без мужа никуда, да еще со всеми вокруг поделишься. Ладно, я сегодня добрый. Вот, смотри, вот это место, а пройти сюда можно под горой, вот тут вход. Только бери в сезон не больше чем на бочку, я ведь тоже хочу!

– Лиза, да ты никак вчера с ним в питье соревновалась! – ахает матушка.

– Я не нарочно, – отмахиваюсь. – Я ж не виновата, что на этой планете никто пить не умеет!

– Не только соревновалась, но и выиграла! – каверзно сообщает Ирлик и поворачивается к Азамату. – Она тут не буянила потом?

– А она не пьянеет, – пожимает плечами Азамат.

– Зверь! – Ирлик восторженно качает головой. – Кстати, спасибо за спиртовку, я оценил.

Азамат слегка кланяется. Ирлик доедает последние крошки бисквита и встает.

– Ну что ж, спасибо, дорогой хозяин, – он кивает Азамату, – и дорогая хозяйка, – он кивает мне, – за гостеприимство и вкусную еду. Предрекаю, что удача, которой мы все вчера приобщились, сведет нас вместе еще неоднократно. Счастливой вам жизни без забот, и вам, дорогая матушка.

Матушка плавится от такого внимания и ласково гладит Ирлика по плечу. Мы все еще раз раскланиваемся, и он выходит за дверь. Из любопытства поглядев в окно, я замечаю мелькнувший оранжевый хвост.

Минут через десять к нам снисходят Тирбиш и Бойонбот, протирая заспанные глаза и демонстрируя на щеках рельеф подушек.

– Какое чудесное утро! – приветствует нас Тирбиш, широко улыбаясь.

– Ой, мы последние, да? – смущается Бойонбот. – Что же вы нас не разбудили?

– Гостя провожали, – ухмыляется Азамат.

– Он, наверное, вчера всех перепил, – вздыхает Тирбиш. – Но надо же было попробовать! Представляете, сад с драконьими яйцами!

– Да уж представили, – говорит матушка. – Лиза вон получила карту. За что б хорошее…

– Да ну?! – вылупляется Тирбиш, окончательно просыпаясь.

– А ведь правда, на корабле еще говорили, что на Хотон-хон алкоголь не действует! – вспоминает Бойонбот. – Ну и правильно, и хорошо, пусть лучше у вас эта карта будет, а то еще не в те руки попадет… Как только этот Змеелов прознал про такое место?

– Я полагаю, – с расстановкой произносит Азамат, – что он тот сад сам посадил.

– Это как же? – хмурится Тирбиш. – Драконьи деревья лет семьдесят растут, прежде чем плоды дать, если не сто. А Змеелов совсем молодой.

Азамат некоторое время выразительно смотрит то на одного парня, то на другого.

– Ой! – вдруг охает матушка и прижимает ладонь ко рту.

– Так он не человек, что ли? – осторожно спрашивает Бойонбот.

– На демона не похож, – пожимает плечами Тирбиш. – На духа тем более…

– Вы бы присели, ребят, – ласково предлагаю я.

Они оба смотрят на меня настороженно и послушно усаживаются. Мы с Азаматом переглядываемся, я ему киваю, дескать, ты говори.

– К вашему сведению, – мягко начинает Азамат, – вы вчера пытались перепить Владыку Подземного Царства.

Бойонбот тоже закрывает рот рукой, а Тирбиш громко втягивает в себя воздух.

– Какой же я идиот! Змеелов, да еще драконьи яйца! Это же все про мангуста! И вы говорили, что он нам во время войны сильно помог…

– Но мы же его видели! – спохватывается Бойонбот. – После высадки, когда он еще… ну, вы помните… Он совсем не так выглядит!

– Дурень! – подключается пришедшая в себя матушка. – Он же бог, как хочет, так и выглядит! Вот я тоже хороша, надо ж было на тень посмотреть!

– А тень была при нем очень послушно весь вечер, – делится наблюдениями Азамат. – Сегодня утром немного погуляла по кухне до его прихода, а потом снова к ногам пристала. Вот позавчера на веранде тень дольше него задержалась, Лиза ее видела. Ты, Тирбиш, тоже мог бы.

– М-да-а, неудивительно, что он исчез на ровном месте.

– Ой, и под столом тоже он был? – спрашивает Бойонбот.

– Может, он, а может, посланник его.

– То-то он все смеялся, что я ему указываю. – Матушка зябко поеживается. – Думаешь, обиделся?

– Думаю, нет, – улыбаюсь я. – Мой опыт показывает, что он вообще не обижается. Но вы на всякий случай извинитесь при следующей встрече, ему будет приятно.

– И часто он к вам заходит, что ты его уже так выучила хорошо? – Матушка таращится на меня округлившимися глазами.

– Зашел первый раз, но я с ним во время войны много общалась.

– Ой, жуть. – Матушку, видимо, бросает то в жар, то в холод, потому что она принимается обмахиваться хваталкой. – Неужто ребенка благословил?

– Дважды, – кивает Азамат. – Первый раз еще внутри. Я только поражался, как это до тебя слухи не дошли, что Ирлик-хон благословил наследника.

– А, – отмахивается матушка хваталкой, – в моей деревне никто в такие слухи не поверил бы. И мне бы враки рассказывать не стали про мою родню. О-хо-хо, ну, Азамат, ну у тебя и жизнь веселая!

– А вы-то откуда узнали, что это он? – Тирбиш продолжает нас допрашивать, видимо, все никак в голове не уложится, что и правда вчера пил с богом. – Только по тени?

– Я его уже видела в этом обличье, – говорю.

– А что ж вчера не сразу поняли, что это он?

– Поняла-то я сразу, но не хотела тебя пугать.

– Да ладно, я бы не испугался! – возмущается Тирбиш.

– Нет, – усмехается Азамат, – ты бы просто глупостей наговорил. А Бойонбот начал бы заикаться. Знаю я вас.

– П-погодите! – Бойонбот немедленно демонстрирует, что с ним случается на нервной почве. – Н-но ведь вы к н-нему н-не обращались как к б-богу!

– Видишь ли, Бойонбот, – ухмыляюсь я, – когда я его впервые встретила, я не знала, что он бог. Потом, когда узнала, спросила, надо ли мне его правильно величать. Он сказал, что не надо. Вот так и получилось, что я ним на «ты».

– А я весь вечер старательно избегал обращения, – сознается Азамат. – Сказал бы «вы» – Ирлик-хон мог и обидеться, а сказал бы «Вы», все бы сразу поняли, оно же совсем по-другому звучит. Вот хорошо на всеобщем, один-единственный способ обратиться, хоть к богу, хоть к кому. Вряд ли только Ирлик-хон на нем понимает. Кстати, Лиза, написала бы ты своей родственнице, пока я не уехал. Чтобы не откладывать в дальнюю суму. А ты, Бойонбот, давай собирайся, нам улетать надо.

Писать бабушке дело дохлое, потому что она не разделяет почту на домашнюю и рабочую, и среди сотен ежедневных писем легко затеряться. Я сверяюсь с календарем, устанавливаю, что сейчас в ее городе восемь часов вечера, и звоню бабуле.

– Гринберг на связи! – решительно сообщает бабушка, появившись на экране. Бойонбот шарахается и чуть не сносит стол.

– Бабуль, привет, это я. Как у тебя дела?

– А, Лизонька, – смягчается бабушка. – Как твои дикари, цивилизуются?

К счастью, мы говорим на родном.

– Да вот, представляешь, мой муж решил выучить наш язык.

Бабушка с подозрением прищуривается.

– И куда он для этого обратился?

– Пока никуда, я подумала, что надо тебя спросить.

– И то хлеб. А то я уж боялась, он от тебя учиться стал. А ты же сама как инопланетянка, даже истории не знаешь толком, сколько я ни трудилась…

– Ладно, ладно, бабуль, не обо мне речь. Ты можешь ему порекомендовать какие-нибудь удаленные курсы, самоучители там?

Бабушка постукивает торцом карандаша по столу, раздумывая.

– Этот твой муж, он ведь заметный человек на этой вашей планете, так?

– Ага, Император.

Бабушка склоняет голову набок.

– Это значит, не просто курсы надо, а чтобы с дипломатическим уклоном. Ему же для переговоров язык нужен.

– Ему язык нужен, чтобы понимать, когда я с ребенком сюсюкаю.

– Это все болтовня, – категорически отрезает бабушка. – Он собирается иметь отношения с Землей? Вот и пусть имеет их через нашу страну, а не через каких-нибудь… Ты, Лиза, в этих делах ничего не понимаешь. Твоего необразованного варвара надо просветить в области нашей многовековой культуры.

– Вообще-то у него два высших образования…

– В каком институте получал? – настораживается бабушка.

– Здесь, на Муданге.

Бабушка машет рукой.

– Еще курсы проходил по Сети, – настаиваю я.

– По Сети! – с отвращением фыркает бабушка. – Ты еще скажи, что он газеты читал!

– Ему Кандинский нравится! – выпаливаю я последний аргумент за образованность Азамата.

– Кандинский! – восклицает бабушка. – Говорю же, варвар! Ты, Лиза, как похвалишь, потом не отмыться! Все ясно с твоим вождем краснокожих. Надо его воспитывать, воспитывать и еще раз воспитывать. Он на каких-нибудь языках говорит?

– На муданжском, на всеобщем, и джингошский понимает.

– На всеобщем хорошо?

– Примерно как я.

– Да ты тоже тот еще носитель… Ладно, видимо, он не безнадежен. Но никаких курсов. Я сама составлю программу и буду с ним заниматься лично, через визуальную связь.

Бабушка принципиально не использует слово «нетбук», как и многие другие заимствования из всеобщего.

– А может, не надо? – блею я. Бабушкино отношение к народам расселения никак нельзя назвать нейтральным и дипломатичным. – Понимаешь, он ведь очень занятой человек. И различие по времени здесь и дома очень большое. Неудобно же будет… Тебе тоже некогда… Он бы самостоятельно позанимался, когда минутка выдастся…

– Никаких минуток! – отрезает бабушка. – Учиться надо сознательно и на ясную голову. О времени мы с ним без тебя договоримся, чтобы не создавать испорченный телефон. Давай его сюда.

Я оглядываюсь в поисках Азамата. Он сидит через стол от меня и завороженно наблюдает мое общение с бабушкой. Шепотом, чтобы бабушка точно не поняла (а то она немножко владеет муданжским, как и большинством языков мира), я подзываю его к буку.

– Здравствуйте, молодой человек, – произносит бабушка тоном, каким пожилой полицейский обращается к несовершеннолетнему воришке. – Вы будете называть меня «профессор Гринберг». Вы сделали, возможно, единственный правильный выбор в своей жизни, решив изучать великий язык нашей страны. К вашему сведению, наилучшее время суток для изучения иностранного языка – с девяти до одиннадцати утра, так что будьте добры освободить этот период от других дел. Я согласна периодически входить в ваше положение как высокопоставленного чиновника и переносить отдельные занятия, но это не должно становиться нормой. Итак…

Азамат только сидит и глазами хлопает, выслушивая бабушкину лекцию. К счастью, она решает не начинать обучение прямо сейчас, а только расписывает виды речевой деятельности и внимание, которое будет уделено каждому из них, типы упражнений, международные стандарты и подобную лабуду. Наконец, заявив, что завтра утром представит ему программу на полгода ежедневных уроков, она отпускает душу на покаяние и отключает связь. Азамат некоторое время выдыхает, глядя в пустой экран.

– А еще смотрел на тебя и удивлялся, что это ты лепечешь, как будто тебя ругают. Никогда не видел, чтобы ты перед кем-то так робела… теперь понимаю.

– Я не робею, просто, ну, это же бабушка. Ты извини, я все время недооцениваю, какое она может произвести впечатление на свежего человека. Я могу все отменить, если хочешь.

– Да нет, мне даже любопытно, – усмехается Азамат. – А ты вполне адекватно ее оцениваешь. Помнишь, ты сказала, что она и Старейшин учиться заставит? Пожалуй, я согласен. А почему она считает, что ты плохо говоришь на родном языке?

– Потому что я языком пользуюсь, как мне нравится, а она – как положено. Не обращай внимания, она тебе еще такого наговорит… Короче, если услышишь что-то странное, обязательно проверь, потому что она плохо понимает, что такое объективность. Но научит она тебя хорошо, за это не волнуйся. Если только выдержишь…

Я решаю присоединиться к Азамату и Бойонботу и слетать в столицу. Отговариваюсь тем, что у меня кончаются подгузники, хотя на самом деле есть еще заначка на месяц. Но я так предполагаю, что ученик художника должен уже закончить трудиться над портретом, а мне не терпится посмотреть, что получилось.

Бойонбот садится за руль, мы с Азаматом устраиваемся на заднем сиденье. Азаматов унгуц оставляем здесь на всякий случай, тем более что я последнее время избаловалась и не вожу самостоятельно, а запрягаю кого-нибудь, чтобы не тратить четыре часа на сидение за рулем. Мы с Азаматом синхронно открываем буки – он редактирует какой-то проект, я перевожу популярную статью о младенческой психологии. Раз уж с меня берут пример, так надо этим пользоваться и просвещать массы. Вот, бабушка бы мной гордилась, если бы догадалась, что мной можно гордиться. Многие мои знакомые удивлялись, когда узнавали, что моя мама закончила только какое-то аграрное училище и дизайнерские курсы, и это при том, что в предыдущем поколении все академики. А я вот совершенно не удивлена…

По прилете в столицу я быстренько со всеми прощаюсь и исчезаю, чтобы избежать встречи с духовниками. А то они как начнут расспрашивать про Ирлика, я тут заночую. Накинув на голову косынку, дабы не привлекать внимания светлой шевелюрой, я огородами и переулками пробираюсь к Дому Художников – большой общаге для учеников. Полноценные мастера живут и творят в собственных домах, а у подмастерьев на это обычно нет денег. К счастью, мне не только не попался никто по дороге, но и Бэр увидел меня из окна второго этажа и сразу выскочил встречать, так что мне не пришлось его разыскивать. Не иначе, эликсир действует.

– Здравствуйте, Хотон-хон! – шепчет он, пританцовывая на мысочках в дверном проеме. – Я все сделал, получилось в лучшем виде! Посмотрите? Только у меня там грязно, даже не знаю, как бы…

– Ничего, я потерплю. Давай, показывай.

Он ведет меня по темноватой лестнице в свою мастерскую, где все поверхности щедро уделаны красками, а по стенам набиты гвозди для развешивания картин. Сами картины стоят по углам, как книги на полке, лицом к стене. Бэр тщательно запирает за собой дверь на замок и щеколду, а потом обращает мое внимание на единственное большое полотно в другом конце комнаты. Ну что ж, надо отдать должное мальчику, он нарисовал ровно то, что я хотела. Картина вытянута вертикально, и на ней, как и положено, Азамат изображен на коне, анфас, с мечом наголо. Конь очень на себя похож – это серебристый Князь. Он скачет во весь опор, так что передние копыта вот-вот вылетят из плоскости картины и подомнут залюбовавшегося зрителя. Азамат, очевидно, как раз подскакивает на лошадиной спине, потому что его хорошо видно поверх головы огромной скотины. Но это все – традиция. На Муданге всех Императоров так рисуют. А вот инновация: вместо желтой сонной степи на заднем плане северные горы и гроза. Молния ярко освещает скалистые отроги и главных персонажей, оставляя в непроглядно-черной тени все лишнее. Разметавшиеся волосы Азамата отсверкивают металлом и в беспорядке падают на лицо, из-под них видны горящие глаза, орлиный нос и волевой подбородок. Лезвие меча сияет, как полированное.

– Восхитительно, – говорю. – Ровно то, что надо.

Бэр расплывается в польщенной улыбке.

– Хвастаться не хочу, но я, как закончил, посмотрел и прямо понял, что так и надо. Он ведь грозный Император, вот пусть враги трепещут. Да, не забудьте взять. – Он протягивает мне мою флешку. – Я ничего не копировал, клянусь!

– Верю-верю, – киваю я. Этот парень гораздо больше моего печется о фотографиях Азамата в контрастном закатном свете, которые я специально так делала, чтобы правая сторона лица была в тени. Азамат даже терпит их существование, настолько они удачные. – Ну что, заворачивай, да пойдем, представишь Императору?

Пока Бэр возится с упаковкой, я звоню Азамату выяснить, где он. Он оказывается в «Щедром хозяине», прощается с Алтонгирелом. Ну вот мы им сейчас скрасим прощание. Поглядев на попытки Бэра пешком тащить высоченную коробку с картиной, я стучусь в ближайший дом и прошу хозяина подкинуть нас до центра города на машине. Хозяин с радостью соглашается, только робко протягивает мне маркер. Эту систему оплаты я уже выучила: мне предлагается оставить в уголке лобового стекла благопожелание. К счастью, никаких слов выдумывать не нужно, достаточно нарисовать узорчик, как на гобелене.

Кроме Азамата и Алтонгирела за столиком в «Щедром хозяине» сидят наши Старейшины. У меня вообще складывается впечатление, что эти двое все свободное время гуляют по кабакам, хоть и не пьют.

– О, Лиза, ты вовремя, – машет мне Азамат. – Я как раз собирался рассказать о нашем вчерашнем госте.

– Замечательно, только это немного подождет. У меня для тебя сюрприз, дорогой. Бэр, открывай.

Бэр прислоняет коробку к стене и открывает крышку. Весь трактир стихает, рассматривая фантастическое творение молодого художника. Через несколько секунд тишины Азамат и Алтонгирел одновременно заговаривают:

– Я же говорил…

Алтонгирел замолкает и кивает Азамату, мол, ты первый заканчивай.

– Я же говорил, что это можно без меня нарисовать.

– А я же говорил, что Лиза придумает, как это сделать, – тут же сообщает Алтонгирел.

Ажгдийдимидин смотрит на него с кривой улыбкой. Тоже, видимо, заметил, что Алтоша работает над своей способностью уступать.

– Красота-а, – выдыхает Унгуц, не заметивший ничего вокруг. – Да тебе, мой мальчик, все прежние Императоры завидовать должны. Эй, художник… как тебя, Бэр, если не ошибаюсь? Молодец, парень! Учитель твой вполовину так хорошо не смог бы. Я скажу Асундулу, чтоб перевел тебя в мастера, это ж высший класс!

Бэр розовеет, но с опаской посматривает на Азамата, который, собственно, не вынес никакого эстетического вердикта.

– Тебе-то как? – спрашиваю, подсаживаясь к мужу.

Азамат поглаживает подбородок, рассматривает картину.

– Я никогда не ношу шпоры, – наконец сообщает он. – А в остальном ничего, даже немного похоже. Хорошая идея насчет гор, северяне сразу узнают местный пейзаж, порадуются, что я свои корни помню. Спасибо, мастер Бэр, отличная работа. Зайдите завтра в Канцелярию, вам выдадут гонорар. А я сейчас кого-нибудь позову, чтобы занялись тиражированием, и так затянули с этим делом…

Азамат принимается звонить и отдавать распоряжения, а меня и Бэра Унгуц тянет за рукава.

– Я смотрю, вы сработались. А тут как раз еще дело есть. Мы с твоих, Лиза, рассказов хотим выпустить новое издание книги об Ирлик-хоне, ну, знаешь, у нас эта серия биографий богов. Так вот, туда бы картиночку посвежее нарисовать, а то прежним-то уж века три будет. Ты, Лиза, его по-всякому видела, вот и опишешь, а Бэр нарисует. Договорились?

Глава 5

От общения Азамата с бабушкой сразу появились результаты: он выяснил положенный срок послеродового декрета и на правах работодателя категорически заявил мне, что до истечения этого срока к работе я не приступлю, потому что недаром же сведущие в медицине земляне общим решением его установили. Я не то чтобы сильно рвалась работать, но, во-первых, дома сидеть целыми днями скучно, во-вторых, кроме меня никто из земных врачей не ездит в глубинку, а в-третьих, не ровен час Азамат меня вообще засадит в терем по традиционному сценарию. Однако муж был непреклонен настолько, что мы даже немножко поругались. В итоге он написал мне расписку, что по истечении установленного срока никак не будет пытаться контролировать мою занятость. Ну и заниматься просветительской работой он мне тоже не стал мешать, тем более что Старейшины попросили.

– Пиши, деточка, – покровительственно говорит мне Унгуц, открывая передо мной бук. Бэр сидит рядом и покусывает губы от нетерпения.

– Вы, может, пока чаю попьете… в другой комнате? – робко предлагаю я. Это ж надо сосредоточиться, вспомнить, как все было, а тут, понимаешь, в загривок дышат, результата ждут.

– Это легко, – соглашается Унгуц и звонит на кухню.

– А может, я пока князя порисую? – осторожно спрашивает Бэр. – Вы не против?

– Если можешь его при этом не разбудить, то пожалуйста. Тирбиш тебя проводит.

Тирбиш корчит кислую рожу, мол, только-только человек заснул, а тут его рисовать… Но послушно уводит Бэра на цыпочках в детскую.

За те жалкие два часа, что Алэк дрыхнет, я успеваю накатать в меру подробный рассказ о первой встрече с Ирликом и даже начать описание давешнего застолья. Но тут Тирбиш выносит проснувшегося мелкого.

После обмена девайсами (Тирбиш отдает мне мелкого, а Унгуц забирает бук) мужики скучиваются у экрана, отталкивая друг друга головами, и жадно читают, время от времени глыкая и хихикая. Унгуц по ходу исправляет несколько неправильных окончаний и пару глагольных времен.

– Смешно пишешь, – качает головой Старейшина. – Совсем не по-нашему. Но зато уж точно все прочтут: мало того что Хотон-хон написала, так еще и смешно. Надо бы тебя побольше к делу приставлять, глядишь, начитаются да поумнеют.

– Так я приставляюсь по мере сил, – говорю. – Вот, про кормление статью писала, про развитие детей, – приподнимаю в руках мелкого для убедительности, – про паразитов, еще про что-то, не помню…

– Надо тебе сделать собственную страницу и выкладывать туда эти твои писульки регулярно, глядишь, через пару лет будет энциклопедия, – наставительно продолжает Унгуц. – Теперь давай рассказывай Бэру во всех подробностях, как Ирлик выглядит…

У Старейшины Унгуца слово с делом не расходится. Через пару дней кто-то из его учеников сделал для меня сайтик, куда собрал все, что я до того вывешивала на странице Императорской Канцелярии. Бэр нарисовал для этого дела несколько стилизованных картинок меня – за ноутом, со шприцем, с Алэком, – и теперь они украшают каждый раздел. Увы, на этом создатели не остановились: к странице оказался прикручен форум для обсуждения проблем со здоровьем…

– Ну тебя же никто не заставляет его читать, – пожимает плечами Унгуц, когда я в панике прибегаю к нему на порог.

– Ага, только бы еще посетителям это объяснить! Сегодня с утра уже десять вопросов ко мне! А если я не буду отвечать, они там друг другу такого насоветуют…

– Они и так насоветуют, – отмахивается Старейшина. – А тебя на ближайшие месяцы Азамат дома усадил, тебе делать нечего. Вот и занятие. Потом, глядишь, земляки твои научатся по-муданжски говорить, будете попеременно народ просвещать. А то нешто ты собралась при ребенке сиднем сидеть без дела, как настоящая богатая горожанка?

И подмигивает, старый шакал.

Ну ладно. В принципе он прав. Скучать теперь точно не придется. Но можно было бы сначала меня убедить, а потом уже делать, даже если знал, что убедить меня получится легко.

– Да ладно тебе, Лиза, не дуйся, – примирительно улыбается Унгуц. – Смотри лучше, как Бэр расстарался для нашей книги!

Бэр и правда оттянулся в миниатюрах, как мог. Из моей встречи с Ирликом в подземелье получился целый комикс.

– Может, наш разговор-то прямо в картинки вставить, в таких, знаете, пузырьках? – предлагаю я, хихикая. Ирлик получился очень правдоподобный, даже всю нательную роспись Бэр воспроизвел в точности.

– Ну нет, – усмехается Унгуц. – Этак боги и обидеться могут. Да и жалко Бэрову работу пузырьками закрывать.

В итоге остаток месяца я провожу за общественно полезными занятиями: пишу статьи о гигиене, первой помощи и правильном питании и даю советы на форуме. Советы обычно бывают двух видов: «Не делай так больше никогда!» и «А ну быстро к целителю!» В целом не так уж много времени это и занимает, а рекомендовать лечение, не пощупав пациента, я почти никогда не могу. Бэр старательно иллюстрирует мои заметки красивыми схемками, поскольку вывешивать на всеобщее обозрение фотографии моих рук так же недопустимо, как и прочих частей моего тела.

В основном я занимаюсь всем этим на Доле, чтобы ребенок поменьше дышал выхлопом. Конечно, Ахмадхот по земным меркам очень маленький город, а население чаще передвигается на лошадях, а не на машинах, ну так они об очистительных системах и не задумывались. Однако хотя бы раз в неделю выбираться в город приходится: отвезти ребенка на рутинный осмотр к Янке, мужа повидать, на рынок зайти. За покупками я теперь хожу как большая, верхом. Мой Пудинг невозмутимо пережил весь стресс, связанный с войной, и с тех пор еще отъелся, потому что очень убедительно клянчит, а физкультурой не занимается, я его и вижу-то два раза в месяц. Зато теперь сидеть еще удобнее.

Нагрузив седельную корзину разноцветными, причудливой формы фруктами, я спешиваюсь у лотка Орешницы.

– А, Хотон-хон! Давненько вас не видно. – Она расплывается в улыбке. – Вот, знакомьтесь, сынуля мой средненький.

Средненький сынуля немного повыше Азамата, угловатый, с длинной шеей и большими выразительными глазами, отчего слегка похож на жирафа.

– Здравствуйте, не болейте, – приветствую я, и парень кланяется мне, заложив ладони под мышки, как полагается при формальном приветствии.

– Как князь-то поживает? Здоровенький? Хорошенький? – расспрашивает Орешница. – Я вот ему одежки нашила, да вы все не заходите, я уж собиралась Кудряшу передать, а он теперь вона какой важный стал, тоже слуг набрал, на рынок ни ногой!

– Да он занят очень, – оправдываю Эцагана. – Он же за порядком следит, это сложная работа, тем более тут двести лет никто этим не занимался! А я дома сижу, на Доле. Вы бы хоть приехали как-нибудь, у нас там хорошо, купаться есть где и лес – грибы, ягоды… На князя бы посмотрели, он такой улыбчивый!

– Э-эх, соблазняете, Хотон-хон! Но у нас же самое торговое время сейчас, куда я выберусь? Муж вон ездит по фермам, скупает урожай, дома все варят-сушат, я тут вот с ребенком торчу, видите? – Она принимается суетиться, вытаскивая из-под прилавка какую-то корзину. Сынуля бросается помогать. Наконец они вдвоем водружают на прилавок гигантский зеленоватый короб. – Вот, глядите, тут чуток одежонки для князя.

– Ничего себе чуток! – говорю, прикидывая, как взгромоздить эту тару на лошадь, чтобы не перевесила.

– Да ну, он же вырастет быстро, и не заметите! Я, правда, и на вырост кое-чего сделала, вы уж там разберетесь. Заодно и вам с Императором пару вещичек, от меня и от старших моих детей. Да ладно, не развязывайте сейчас, дома посмотрите, не убежит!

Длинношеий парень деловито приторачивает короб к седлу и похлопывает Пудинга по крупу. Тот откликается:

– И-и-и-хи-хи!

– Послушайте, Орешница, – вспоминаю я. – У меня к вам небольшое дело. Я собираю круг приближенных подруг, вот хотела вас пригласить. Вы как на этот счет?

– Ой, да вы что, золотая моя! – фыркает Орешница. – У меня же имя глухое, и живу я не в столице, да и вообще, приближенные подруги – это с кем вы росли вместе, они вам как сестры быть должны, а я-то тут при чем?

– Так у меня тут, на Муданге, никого из друзей детства нету, – развожу руками. – Есть моя подруга, с которой мы вместе учились, есть моя ассистентка, и все. Про имя мне никто условий не ставил, зато сказали, что должна быть женщина опытная, которая может помочь советом во всяких домашних делах, и все в таком духе. Я сразу о вас подумала! А что живете не в столице, так тут главное, чтобы мы с вами виделись хоть раз в месяц. Я надеялась, может, мы снова клуб организуем?

Орешница качает головой.

– Вот уж никогда бы не подумала, что буду звана в круг подруг Хотон-хон… Домой доеду, спрошу своего духовника, пристала ли мне такая честь. Вы бы тоже своего спросили, а то, я думаю, ему такое и в голову не приходило. Но благодарю вас сердечно за предложение.

Ажгдийдимидин в тот день не присутствует в Доме Старейшин, поскольку никаких важных дел, требующих его участия, там не происходит. Урик нехотя рассказывает мне, как найти дом духовника, и я отправляюсь разыскивать.

Дверь открывает такой огромный человечище, что я поначалу принимаю его за Ирлика в божественной ипостаси. Однако, проморгавшись, понимаю, что на Ирлика этот монстр не похож: волосы темные с проседью, грубые мозолистые руки, качковое телосложение, а Ирлик все-таки довольно изящный.

– А, здравствуйте, Хотон-хон, – рокочет тихим басом человек-гора. – Я сейчас позову Ажги-хяна, подождите.

– Здравствуйте! – выдыхаю я, справившись наконец с отупением. Как-то я привыкла думать, что даже на Муданге крупнее моего мужа людей не бывает. Ну или хотя бы не во всех направлениях сразу: бывают или шире, или выше. А этот – как на компьютере пропорционально увеличенный. – Извините, я немного задумалась…

– Ничего, я привык, – фыркает он, сдувая птичку с ближайшей ветки. – Вы заходите.

Я следую за ним в просторный дом с высокими потолками и дверными проемами.

– Ажги-хян! – зовет он, почти не повышая голоса, но вибрации расходятся по полу. – К тебе гости.

Ответа, понятно, не следует.

Старейшина обнаруживается в большой светлой гостиной, он лежит на стопке дифжир, подперев голову рукой, и явно только что читал электронную книжку. При виде меня он слегка сдвигает брови и кивает, переходя в сидячее положение. Человек-гора нас оставляет.

– Здравствуйте, Старейшина. – Я усаживаюсь на ковер перед ним. – Я, собственно, зашла спросить: ничего, если я в этот мой круг подруг возьму женщину с глухим именем? И живет она не совсем в Ахмадхоте, но близко, мы довольно часто видимся. Зато она очень опытная, шестеро детей, прекрасная мастерица…

Ажгдийдимидин, кажется, меня вообще не слушает, а только вглядывается в мое лицо, как будто там с нашей последней встречи что-то новое появилось. Когда я замолкаю, он никак не реагирует. Я жду с полминуты, потом начинаю ерзать и покашливать и склоняю голову набок. Это выводит его из ступора. Духовник выхватывает из кармана блокнот и стремительно строчит:

«Это ладно, ты лучше скажи, что ты завтра собралась делать?»

– Домой ехать, – пожимаю плечами. – На Дол.

«Подожди до вечера, – выводит духовник. – Погуляй по городу».

– Зачем? – удивляюсь я.

Старейшина корчит укоризненную физиономию, мол, нашла что спросить, глупая женщина. И правда, чего это я.

– Ну хорошо, – говорю. – Погуляю. Так насчет подруги – не запрещено?

Духовник отмахивается и мотает головой.

– Кто это такой у нашего духовника дома живет? – спрашиваю я вечером Азамата, когда он, отключившись от бренного мира, воркует над Алэком.

– Здоровенный такой? – отрешенно уточняет муж. – Это его пара.

– Ох-х, бедолага, – не удерживаюсь я.

– Кто? – удивленно спрашивает Азамат, отвлекаясь от ребенка.

– Ажгдийдимидин. Ты же не думаешь, что он сверху?

Муж поджимает губы.

– Лизонька, я тебя умоляю, не надо обсуждать личную жизнь Старейшин. Тем более духовников. Они ведь и услышать могут. Это не наше дело! Да и потом, насколько я знаю, жалеть Старейшину Ажгдийдимидина не приходится. Он очень счастлив со своей парой.

– Да, но-о… – начинаю я, но Азамат быстренько перебивает:

– Ты завтра с утра уедешь?

– Да нет, мне наш «Ажги-хян» до вечера велел тут погулять.

– Ну, Ли-и-иза! – Азамат воздевает руки к потолку. – Я же тебя просил его так не называть!

Я пользуюсь воздетыми руками и тыкаю его под ребра.

Наутро я честно, как велено, отправляюсь гулять по городу, захватив с собой Алэка – не оставлять же бедную крошку в одиночестве на целый день. С мелким мне, конечно, не очень хочется таскаться по людным улицам, где ездят машины. Замотавшись в слинг и воссев на Пудинга, я делаю круг почета по окраинам. Очень медленно, потому что Пудинг считает своим долгом пожевать ягод с каждого куста, ну или на худой конец цветочек из-под забора. Хорошо, что муданжцы не держат палисадников с культурными декоративными растениями, а то еще наорут на меня, а потом, когда узнают, помрут от ужаса.

Двигаясь от куста к кусту, Пудинг постепенно завозит нас на речной берег, где обнаруживает куртину дикой кукурузы и вставляется в нее по самое седло. Поняв, что вытащить его в ближайшие пару часов не удастся, я спешиваюсь, разворачиваю одеяло и располагаю себя и мелкого валяться на солнышке. Города отсюда практически не видно, зато вода так

блестит, что смотреть больно. Я лежу, зажмурившись, и пытаюсь отгадать, зачем же Ажгдийдимидин послал меня гулять и туда ли я пошла, куда надо? Может, он хотел, чтобы я по кабакам пошлялась? Или по улицам, чтобы встретить кого-то? Надо было уточнить… Но с другой стороны, он и сам, наверное, понимал, что дал весьма расплывчатые указания.

Примерно через полчаса мои раздумья оказываются прерваны шорохом шагов по траве и тяжелым дыханием. Я разлепляю один глаз – нешироко, чтобы не очень много солнца в него попало. Ко мне идет какая-то полная дама. Поняв, что мне не избежать приветствия и, возможно, светского разговора, я сажусь на одеяле и солнечно, под стать погоде, улыбаюсь. Дама как-то испуганно останавливается. Против света я ее совсем не различаю, сколько ни прикрывай глаза ладонью.

– Здравствуйте! – пингую. Может, хоть по голосу опознаю?

– Элизабет? – неуверенно спрашивает она.

– Она самая, – киваю, приподнимая брови. На Муданге меня так не называет никто: либо Лиза, либо Хотон-хон, но никогда Элизабет. Уж не нарвалась ли я на очередное божество? Это бы объяснило…

– Вы меня, должно быть, не помните, – перебивает мои мысли дама. – Я Эсарнай с Гарнета.

– А-а-а! – хлопаю себя по лбу. – Помню-помню, я только вас против света совсем не вижу!

– Ой, простите. – Она обходит меня ниже по склону и наконец-то становится видна. Это несомненно Эсарнай, жена Экдала, но то ли естественное освещение ей не очень идет, то ли она плохо себя чувствует, в общем, выглядит она похуже, чем тогда, на Гарнете.

– Что-нибудь случилось? – спрашиваю, жестом предлагая ей приземлиться на мое одеяло. Алэк сопит у меня под боком, игнорируя гостью.

– Нет, ничего. Почему вы так решили? – удивляется она, садясь.

– Мне показалось, вы выглядите уставшей, – осторожно отвечаю я.

– Я действительно немного устала, – соглашается она с какой-то нервной улыбкой. – Никак не привыкну, что здесь все так далеко и дико.

– В смысле? – моргаю я.

– Ну, я ведь всю жизнь жила на Гарнете, – поясняет она. – Там нет таких мест, чтобы нужно было продираться сквозь траву и кочки.

– Это да, – ухмыляюсь я. – А куда вы хотели попасть?

Вопрос ее явно напрягает, она поводит плечами и отвечает неуверенным голосом:

– Да так, пройтись… Я недавно приехала и никогда раньше не была на Муданге, вот, хотела осмотреться…

Мне чрезвычайно сомнительно, что такая дорогая женщина, как Эсарнай, на самом деле хотела погулять. Конечно, может, гарнетские муданжцы и отличаются от коренных, но вряд ли настолько. Я скорее поверю, что она пошла собрать цикуты для соседки. Ну ладно, не хочет говорить, не буду выспрашивать.

– А вы сами-то что тут делаете? – спрашивает тем временем она. Мне кажется, по-муданжски она говорит не так сдержанно и вежливо, как на всеобщем.

– Да вот, князя выгуливаю, – усмехаюсь, теребя завязочку на Алэковой распашонке.

– Князя?.. – Она изумленно смотрит на мелкого и вдруг резко, с шумом вдыхает. – Ах! Это же вы – Хотон-хон! Боги, как же я не сообразила! И обратилась по имени, ой, а вдруг кто слышал… – Она испуганно озирается.

– Ничего, ничего, – успокаиваю ее. – Имя мое все знают, я не любитель этих формальностей.

– Ну надо же было так опростоволоситься, – сокрушается Эсарнай. – Мы ведь слышали всю эту историю на Гарнете, и Экдал мне говорил, что Байч-Харах всех собрал…

– По чужим рассказам трудно помнить, – пожимаю плечами. – Не переживайте, я сама еще не привыкла к своему положению. Только вчера была смешная чужачка, и вдруг – бац! – Хотон-хон.

– Не знаю, к хорошему быстро привыкаешь, – возражает Эсарнай. – Чужачкой быть не очень сладко.

У меня негромко урчит в животе. Собеседница, кажется, не замечает или хорошо делает вид.

– Не хотите ли присоединиться ко мне за обедом? – спрашиваю я довольно формально, но по-другому вежливый вопрос никак не складывается.

– А вы куда хотите пойти? – спрашивает она, с сомнением окидывая взглядом крутой склон берега.

– Домой.

– Вы хотите сказать, во дворец? А меня туда пустят?

– Конечно, пустят! – вытаращиваюсь я. – Еще бы они моих гостей не пускали!

– Но ведь дворец – это не ваш дом, а вашего мужа, – замечает Эсарнай. – Он не будет против?

– Дворец – это проходной двор, – вздыхаю я. – Дверь в спальню запирать приходится, а то если просто закрыть, подчиненных это не останавливает. Да и потом, Азамат столько работает, что в жилой части почти не появляется. А гостей он любит, особенно моих, потому что ему не обязательно их развлекать. Пойдемте, у нас вкусно кормят.

Прежде чем куда-либо двигаться, мне приходится за гриву выволакивать Пудинга из куста. Скотина у меня послушная, но без пинка не верит, что я и правда чего-то требую. Алэка я приматываю к себе, одеяло убираю в седельную сумку.

Номером вторым нашей программы оказывается вытащить Эсарнай за перегиб склона. Спускалась она где-то в пологом месте, а тут довольно круто, и влезть вверх по берегу Эсарнай сама не может, того и гляди покатится в реку. Пудинг уже ждет нас на дороге, флегматично жуя дикие финики, и на мои крики не идет. Можно было бы, конечно, обойти берегом до более удобного подъема, но я хочу есть, а Эсарнай в длинной юбке и сапожках с каблуками будет ковылять по траве до ужина. Да и не так тут отвесно, я вообще не задумываясь залезла, даже с Алэком. Спускаюсь обратно на пару шагов, протягиваю руку. Эсарнай хватается, но так слабенько, что ничего не получится. Перехватываю ее руку за запястье и в два шага вылезаю на дорогу. Надо сказать, слоник она тот еще. Чуть не падает на меня, когда я перестаю тянуть, и тяжело дышит.

– Ой, Хотон-хон, простите, что я вас так напрягаю… – пыхтит. – Но я бы тут никогда не вылезла.

– Вы на лошадь заберетесь? – спрашиваю, оглядывая ее с сомнением.

– Сама?! Не-эт, – мотает она головой. – Только если мужчина посадит.

– Ну тогда пойдемте, тут минут десять до дворца.

– Сейчас, подождите немножечко, мне надо отдышаться.

Она устало прислоняется к толстому боку Пудинга. Я стараюсь не выдать своего раздражения: я ее тащила, а она устала!

– Что же вы так легко утомляетесь? – аккуратно спрашиваю с напускным сочувствием. – Молодая ведь женщина. Не приболели часом?

– Да я поражаюсь, какая вы сильная, – разводит руками Эсарнай. – Я, конечно, на Муданге недавно, но по материным рассказам, тут женщины по буеракам не скачут, как мальчишки!

– Это правда, – киваю. – Но я предпочитаю иметь возможность погулять по городу, не зовя на помощь посторонних людей. Это, знаете ли, повышает самооценку. Ну ладно, пойдемте уже.

Эсарнай понуро топает за мной до дворца. Поначалу я стараюсь идти медленно, чтобы она не перенапряглась, но потом замечаю, что чем медленнее я иду, тем больше она отстает, и расстояние между нами увеличивается. Когда я прибавляю шагу, она, очевидно, решает, что мне надоело ждать, и семенит пободрее.

Ко дворцу мы выходим с тыльной стороны, где калитка для обитателей, и мне не приходится ни тащить Эсарнай через административную часть, ни объяснять ей, почему мне не хочется этого делать. Подбежавший конюх принимает у меня Пудинга и распахивает двери.

– Ну вот мы и пришли! – объявляю радостно. – Дальше на лифте!

Эсарнай, уже успевшая оценить высоту здания, вздыхает с облегчением.

В гостиной мы располагаемся в больших креслах, и я включаю на столике обеденное меню.

– Ткните во все, что понравится, – инструктирую гостью, листая картинки с подписями. Когда состав блюд выбран, я жму на отправление заказа на кухню.

– Как у вас удобно устроено, – восхищается Эсарнай, продолжая передвигать по поверхности стеклянного столика электронные изображения.

– Да, мне тоже очень нравится, – соглашаюсь, распаковывая Алэка. – Азамат очень любит оптимизировать всякие мелочи.

Алэка я укладываю в люльку, привешенную к рельсу под потолком. Таких рельсов там целая паутина, чтобы можно было гонять люльку за собой, в какой бы части комнаты я ни сидела.

– Вот, это тоже он придумал, – указываю на потолок. – Чтобы князь всегда был под присмотром.

Эсарнай задумчиво кивает.

Тут привозят наш обед, и разговор переключается на гастрономические темы. Я замечаю, что Эсарнай в дополнение к муданжскому супу заказала пиццу. Дворцовый повар специально для меня старается держать запас земных продуктов, на случай приступа ностальгии.

– Соскучились по гарнетской еде? – спрашиваю между ложками.

– М-хммм, – выразительно кивает Эсарнай. – Я пиццу обожаю, а тут ее нигде не делают. Пыталась от слуг добиться, но все не то. Хоть сама к плите вставай!

– А я и встаю иногда, – усмехаюсь.

Эсарнай поднимает на меня круглые от ужаса глаза.

– Что, прямо во дворце? – спрашивает шепотом.

– Нет, обычно все-таки у себя, на Доле. Тут слуг слишком много, они нервничают.

– Так они же сами вам делают, вот…

– Ну, это они пиццу делают. Заказывают на том же Гарнете партию мороженых полуфабрикатов и пекут при необходимости. Но так не с любым блюдом можно, да и некоторые очень невкусно получаются.

Эсарнай уныло прожевывает кусочек.

– А я-то думала, это у меня одной такие трудности. А оказывается, даже вам самой готовить приходится…

– И мне, и другим целителям с Земли, которых Азамат пригласил. В основном, конечно, местные продукты едим, но если захочется чего-то родного, просим родственников прислать муку и остальное – и вперед.

– Гарнетская почта с Мудангом не работает, – вздыхает Эсарнай.

– Азамат собирается это исправить, – обнадеживаю я ее. – Я помню, он летом договаривался о чистке естественного туннеля от Гарнета в Водоворот. Конечно, не прямо на планету, но получается двое-трое суток пути. Азамат озадачил группу инженеров проекти-

рованием челноков разной вместимости, будут курсировать регулярно. Вот тогда и почта наладится, потерпите немного.

Эсарнай мнется, рассматривая меня оценивающим взглядом.

– Элизабет… вам ведь… вам нравится ваш муж, правда же?

– Конечно, нравится, – киваю. – Я бы не стала за него выходить, если бы он мне не нравился.

Она как будто переводит дыхание.

– Мне мой тоже нравится. И я всегда думала, что так и должно быть. А тут вот пошла в местный клуб и…

– О-о-о-о! – не удерживаюсь я. – С почином, моя дорогая! Я себе представляю, сколько нового вы о своем муже там узнали!

– Нет, ну, в принципе на мужа посетовать – дело святое, – замечает Эсарнай. – Но всему должен быть предел. Моих соседок послушать – получается, что они были бы рады, если бы вообще все мужчины с планеты исчезли. Мне жутко делается, как подумаю, что они там сидят каждый день и сквернословят. Так и сглазить недолго.

– Эти могут. Хотя, с другой стороны, они такие бесполезные, что и силы слова у них никакой нет. Но слушать их все равно омерзительно, очень вам сочувствую.

– А как вы это терпите? – Эсарнай смотрит на меня с надеждой. – Вы же тут давно, наверное, приспособились как-то?

– Ага, ушла из клуба через месяц, – фыркаю. – А надо было еще раньше.

Она вздыхает.

– Да-а, вы-то можете себе позволить просто уйти, вы же Хотон-хон. А я так не могу…

– Ну, положим, когда я уходила из клуба, я еще не была никакой Хотон-хон. Просто взяла и перестала там появляться. Даже духовник не возмущался, правда, у него были другие заботы. Так что мой вам совет: уходите без раздумий. Ничего вам никто за это не сделает.

– Боюсь, соседки меня тогда совсем запрезирают, – снова вздыхает Эсарнай.

– Что значит «совсем»? – удивляюсь. – С какой это стати им вас презирать? Вы же красивая женщина с гласным именем и богатым мужем. Какое они имеют право к вам плохо относиться?

– Так я же гарнетка. Они считают Гарнет такой глухоманью, что любая северная деревня в сравнении с ним – почти столица. Я не с Муданга, не своя, и место мне на коврике у двери.

– Очень интересно, – качаю головой. – Я вообще-то тоже немного из другой галактики.

– Вы с Земли, это совсем другое, – печально поясняет Эсарнай.

– Знаете, я думаю, в таком раскладе вам тем более надо бросать этот гадючник. Я помню, как мне там было паршиво, но меня хотя бы уважали. А вам там совсем тоска. Так и рехнуться недолго.

Эсарнай с грустью отправляет в рот последний кусочек пиццы и молча жует.

– Понимаете, – говорит она наконец, – вы уж простите, что я вам тут жалуюсь, но мне и поговорить-то не с кем особо… Сижу целыми днями дома одна, со слугами. Экдал меня навещает хорошо если раз в месяц, а то и реже. На Гарнете у меня мать, сестры, подруги, а тут-то совсем никого. И вот я или в клубе сижу, слушаю, как меня и моего мужа грязью поливают, или дома одна в тишине размышляю надо всеми этими словами. И не знаю, что хуже.

По-моему, она сейчас заплачет.

– Может, вам обратно на Гарнет поехать? Я хочу сказать, если вам там лучше… Какая Экдалу разница, где вас раз в месяц навещать?

– Ему-то есть разница! – с неожиданным ожесточением выпаливает Эсарнай. – Он тут родился и вырос, он хочет отдыхать на родине, а не на чужой планете.

– А вы с ним обсуждали эту проблему?

– С Экдалом? – удивляется она. – Нет конечно. Он же мужчина. Как я могу с мужчиной обсуждать свои женские дела?

– Ну, мне кажется, что, если вам так плохо, его это тоже касается, – мягко говорю я, стараясь не показать, как меня вымораживает очередной аспект муданжского мировоззрения.

– Не-ет. – Она категорически мотает головой. – Он согласился на мне жениться, потому что у меня никогда не было никаких проблем. Если сейчас я потребую, чтобы он возился с моими женскими трудностями, он вообще перестанет меня навещать, и останусь я совсем одна.

– И вернетесь на Гарнет, – усмехаюсь я, хотя и понимаю, что для Эсарнай такой сценарий будет полной катастрофой. Развода-то нет, значит, нового мужа не найдет, и кто ее будет содержать? А Экдал, видимо, без женского внимания не очень страдает, раз жену навещает хорошо если раз в месяц. Я с ним поговорю, конечно, когда увижу, но с этой несчастной надо что-то делать. А то у меня уже нехорошие подозрения, на кой ляд она поперлась к реке. Не исключено, что это из-за нее Ажгдийдимидин заслал меня погулять. Ладно, в принципе для муданжки она тетка неплохая, а у меня все равно нехватка «подруг», можно и ее пригласить. Может, мы на нее подействуем в лучшую сторону.

– А вы рукоделием каким-нибудь занимаетесь? – спрашиваю.

Она поджимает губы.

– Вообще-то нет. Ради клуба попыталась научиться вышивать, но выходит плохо, только все пальцы исколола. А что?

– Да я вот подумала, – говорю, – мне духовник дал задание создать так называемый круг приближенных подруг. По сути тот же клуб, только из дам, с которыми мне самой приятно общаться. Мы собираемся иногда по вечерам, шьем что-нибудь или плетем… Обычно весело бывает. Но я пока пригласила только троих, а надо хотя бы четверых. Вы не хотите примкнуть?

– Ой, ну что вы, Хотон-хон, я ведь совсем не хотела навязываться! – всплескивает руками она. – Да и какая я вам подруга? Один раз вместе за столом посидели… Спасибо большое, что вы ко мне так добры, но не стоит беспокоиться, я как-нибудь привыкну.

Я устало тру глаза. Отлично. Она просто хотела пожаловаться. Что хуже всего, она теперь так и будет приходить в гости и жаловаться, игнорируя разумные решения проблемы. А мне совершенно не интересно выслушивать ее жалобы, зная, что ничего менять она не хочет.

– Эсарнай, – говорю я по возможности веско. – Когда мы с вами встретились на Гарнете, вы ко мне хорошо отнеслись. Я это запомнила. Я всего лишь предлагаю вам ответную любезность, поскольку вы же сами только что в течение часа рассказывали мне, как вам трудно здесь, на Муданге. Я сочувствую и хочу помочь. Но у меня, в отличие от вас, нет свободного времени, чтобы обдумывать, кто что сказал и что он имел в виду. И я не буду за вами бегать и настаивать, чтобы вы как-то изменили свою жизнь к лучшему. Я вас приглашаю в альтернативный клуб: никто никого не презирает, мужей не ругает, зато могут научить чему-нибудь интересному. Не хотите – как хотите. Если вас устраивает положение дел, кто я такая, чтобы судить. Можете обратно идти гулять у реки, никто вам больше не помешает.

Кажется, последний мой комментарий попал не в бровь, а в глаз. Эсарнай заметно бледнеет и сглатывает. Повисает напряженное молчание, пока моя гостья с затравленным видом изучает подол своей блузки.

– Я… – наконец выдавливает она. – Я… бы… хотела вступить в ваш круг, Хотон-хон. Позаботьтесь обо мне, пожалуйста, – совсем тихо заканчивает она формальной фразой.

– Обязательно, – улыбаюсь я. – Пожалуйста, называйте меня Лиза, мне так удобнее. Я постараюсь сегодня вечером всех собрать, чтобы вас с ними познакомить. А пока вам лучше будет пойти домой отдохнуть.

– Хорошо, – послушно кивает она. – Мне вечером… вышивание брать?

– Как хотите, – пожимаю плечами. – Если вам это не интересно, можете и не заниматься рукоделием.

– Да? – оживляется она. Но тут же озадачивается: – А чем мне тогда заняться? Получится странно, если все будут шить, а я – так сидеть.

– А что вы любите делать? – спрашиваю, чувствуя, как у меня начинает болеть голова.

Эсарнай надолго задумывается. Я успеваю извиниться, сходить в другую комнату за таблеткой, налить себе воды и выпить, прежде чем она наконец выдает:

– Мне нравится говорить на всеобщем.

Классно. Может, отправить ее в помощь Унгуцу? Хотя, если она может говорить, это вовсе не значит, что она может преподавать.

– Вы ведь им хорошо владеете, не так ли? – тяну время.

– Мне кажется, что неплохо, – пожимает плечами она. – И я много песен на нем слушаю.

– Хм, – говорю я. – А может, вы мне поможете в одном полезном деле?

– Я? В каком? – удивляется она. Видимо, мысль, что можно принести пользу, ей совершенно внове.

– Да меня вот тут Старейшина Унгуц попросил попереводить со всеобщего на муданжский всяких текстов про здоровье. Конечно, большинство из них сложные, там нужно хорошо разбираться в теме, но есть и простые… – Пока говорю, открываю и бужу бук, вывожу на экран оглавление моей подборки. – Вот, например, «Как правильно учить ребенка ходить». Или еще «Почему надо мыть руки перед едой». Тут специальных знаний не нужно, только понять, что написано, и изложить по-муданжски. Возьметесь?

– Не знаю, – мнется Эсарнай. – Я такого никогда не делала. Даже не знаю, с какого конца взяться…

– Советую начать с начала, – хмыкаю я. – А буком-то пользоваться умеете?

– Ну… у меня есть планшет. Им умею. Это подойдет?

– Вполне. Давайте-ка приходите вечером, посмотрим, можно ли вас задействовать на благо нации.

Я это сказала в шутку, но Эсарнай, кажется, восприняла всерьез. Смотрит на меня большими одухотворенными глазами. Потом спохватывается и откланивается. Не знаю уж, сэкономлю ли я свои силы, усадив ее за перевод, или, наоборот, еще больше потрачу… Но было бы очень неплохо приставить тетку к делу, пока она не рехнулась от забористой муданжской женской тоски.

Глава 6

Когда я наконец добираюсь распаковать тюк от Орешницы, понимаю, что она на сей раз превзошла себя не только в мастерстве, но и в материалах. Ее скромный подарочек оказался ансамблем из трех дилей с аксессуарами – на меня, на Азамата и на Алэка, плюс еще несколько маленьких дилей Алэку на вырост. И каждая вещь расшита драгоценными камнями с такой щедростью, как будто этого добра у нее горы.

В легком шоке отправляюсь на рынок с твердым намерением затащить-таки мастерицу в свой круг. А то она мне такие подарки дарит, а приближенной подругой ей, видите ли, не по чину быть. Ну уж нет.

– Доброго вам дня, – говорю, тормозя у ее палатки. – Ваши подарки меня глубоко потрясли.

– Что ж так? – озабоченно спрашивает она.

– Вам, э-э… камушков не жалко?

Она покатывается со смеху.

– Да что вы, Хотон-хон! У меня два старших сына их промышляют. Вот уж чего-чего, а этого у меня хватает! Семья богатая, вы за меня не волнуйтесь, Хотон-хон.

– Так чего же вы тут за прилавком стоите, если у вас такое состояние? – не понимаю я.

– А так вы думаете, откуда богатство-то берется? – продолжает потешаться она. – Муж за этим прилавком всю жизнь простоял, на шестерых детей скопил, да их прокормил, да ни одному подрабатывать не пришлось, пока ремеслам учились. Сейчас вот, по старости, тяжело ему одному, а мне дома скучно сидеть одной, вот и помогаю. Дети-то все взрослые, почти у всех свои дома. – Она кивает в сторону двоих парней, которые выгружают из машины ящики с сухофруктами. Одного из парней я уже видела, это тот жирафоподобный. Второй мне не знаком, но жутко красивый. – А одной сидеть да шить без конца – этак со скуки и помереть недолго. Тут-то, на рынке, и новости узнаешь, и поболтать есть с кем.

– Отлично! – улыбаюсь я. – У меня как раз есть одна подруга, которой жизненно необходимо перенять ваш взгляд на мир. Пойдемте-ка сегодня вечером ко мне, а? Клуб соберется…

– Да я занята, лапочка, – мотает головой Орешница. – Сами посмотрите, куда ж я отсюда пойду? Вон сколько всего продать надо!

После того как я скупаю у Орешницы весь прилавок (а что, товар не портится, отвезу на Дол, будет что погрызть), ей ничего другого не остается, как примкнуть к вечернему собранию. Ее духовник был в полном замешательстве от вопроса, имеет ли она право вступить в мой круг, и ушел от ответственности за такое важное решение. Вместо этого он написал Ажгдийдимидину, который все разрешил. Потому он утром от меня и отмахнулся: знал, что проблема уже решена. Сыновья Орешницы берут на себя доставку и сборы, так что их мать сразу отправляется со мной во дворец.

Янку и Ориву мне удается выцепить и того легче: они так замотались в последние дни, что были рады высочайшему указу вечером отдохнуть. Они могут пройти во дворец в любой момент и уже должны быть в гостиной.

От рынка ближе идти через парадный вход, так что мы с Орешницей поднимаемся по огромной парадной лестнице – и утыкаемся в широкую грудь охранника. Он отходит в сторону, пропуская меня, и тут же снова баррикадирует дверь.

– Ку-уда? – покровительственно спрашивает он Орешницу.

– Это со мной, – говорю.

– На прием к Императору положено записываться в Доме Старейшин, – сообщает охранник, не реагируя на меня.

– Она не к Императору, а ко мне, – поясняю.

– А все равно пускай записываются, – возражает он, наконец-то обернувшись ко мне. – Это же нужно, чтоб проверить, кто они такие, и лишних людей во дворец не пускать.

– Здравствуйте, – развожу руками. – Я – целитель, ко мне умирающих привозят, какая еще запись?

– Хотон-хон, может, действительно не стоит мне во дворец ходить? – говорит Орешница. Ей очень неловко стоять на всеобщем обозрении посреди крыльца.

Я выхожу обратно к ней.

– Ничего подобного, тут просто кому-то голову напекло. Сейчас все решим.

Набираю Ирнчину, который теперь глава госбезопасности.

– Привет, – говорю, – а что это за хам стоит у нас на главном входе и не пускает моих приближенных подруг?

– Здравствуйте, Хотон-хон. А вы список подруг в мой отдел подавали? – размеренно спрашивает Ирнчин.

– Еще чего, – информирую я его. – А мне кто-то сказал, что это надо сделать?

На том конце небольшая пауза.

– Ваша правда, Хотон-хон. Не сказали… Ну так вы подайте, тогда пропустим.

– Не, погоди, солнце. Я вот тут с одной из них на пороге стою и войти не могу. В собственный дом, между прочим. Объясни, пожалуйста, своему персоналу, что если я кого привела, то надо впускать.

– А кто с вами? – подозрительно интересуется Ирнчин.

– Приближенная подруга, – раздраженно вздыхаю я. Понимаю, конечно, что в новом ведомстве накладки на каждом шагу, но это уже начинает напрягать.

– А имя?

– Ну сейчас я буду тут на всю улицу имена называть! – рявкаю я. – Стоим тут на солнцепеке посреди города, как туристы! Давай быстро объясняй своему громиле, что мое слово – закон, а остальное мы с тобой потом обсудим. Я еще должна разрешения спрашивать, чтобы гостей пригласить!

– Хорошо, хорошо, не кипятитесь, Хотон-хон, сейчас все будет, – быстро меняет тон Ирнчин и кладет трубку. Тут же включается рация у охранника, и оттуда поступает команда нас пропустить.

Сплевывая желчь, я втаскиваю слегка напуганную Орешницу внутрь.

– Ох, не надо было мне приходить, – бормочет она. – Вот и Ахмад-хон против…

– Он тут ни при чем, я разговаривала с начальником охраны. И очень хорошо, что вы пришли со мной, а то я бы так и не знала, что они моих гостей не впускают. Не переживайте, это просто обычные проблемы с чиновниками.

В гостиной меня ждут трое: Яна, Орива и Эсарнай.

– О, вы уже тут! – удивленно говорю я последней.

– Да, я вошла через заднюю дверь, как мы с вами днем входили… Дорогу запомнила, вот и пришла…

– Отлично! – Я театрально вскидываю руки. – Через парадную дверь меня саму еле-еле пропускают, а за задней вообще никто не следит! Безопасность на уровне! Ладно, с ними потом разберусь. Так, вы тут уже познакомились, я думаю? Отлично, а это Орешница. Орешница, это… – И тут я понимаю, что не знаю никакого прозвища Эсарнай, а чтобы называть имя, нужно сначала спросить разрешения, тем более что Орешницу я представила по прозвищу, а имени ее я не знаю…. А-а-а-а!!! Взрыв мозга!

– Гарнетка, – прерывает мои метания сама Эсарнай.

Я с облегченным вздохом падаю в кресло и заказываю на всех прохладительных напитков.

– Что сегодня будем делать? – оживленно интересуется Орива.

– Я надеялась, что вышивать, – говорю. – Потому что на более сложное я сегодня не способна.

– Можно и повышивать, – соглашается Орешница. – Только вы контуры наметали?

Я двигаю бровями и извлекаю с полки пачку водорастворимых маркеров для ткани.

– Я придумала лучше!

Когда все отдали дань угощениям и освоили рисование по ткани, я подзываю к себе Эсарнай. Она нервно зажимает под мышкой планшет.

– Вот глядите, – перекидываю ей файлик с текстом про первые шаги. – Попробуйте первый абзац прямо под ним переписать по-муданжски.

– А что такое абзац?

Интересно, как их учат всеобщему, а?

– Вот досюда. – Тычу пальцем, заодно отбивая строку, чтобы было куда писать. А то еще не сообразит, кто ее знает…

Она кивает и вчитывается в текст. Я возвращаюсь к рисованию контуров – попроще, чтобы успеть за всеми, даже с перерывами на Эсарнай. Через пару минут смотрю – она уже тыкает в сенсорную клавиатуру. Небыстро, мягко говоря. Ну ничего, если ей понравится, уж печатать-то научится.

Вытянув шею, заглядываю в экран через плечо Эсарнай.

«Наблюдающий их ребенка рост вверх есть великий опыт для родителей», – печатает Эсарнай по-муданжски. Я роняю лицо в ладони. Кажется, это труба.

– Погодите, – говорю таким убитым голосом, что все вскидываются. – У вас получается бессмыслица!

– Да, – охотно соглашается Эсарнай. – Мне тоже так показалось.

– Ну? – не понимаю я. – А зачем вы переводите бессмыслицу?

– Тут так написано… – растерянно сообщает Эсарнай.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Хорошо, что тут нет моей бабушки, а то Экдалу пришлось бы искать себе другую жену.

Отбираю у нее планшет и кладу экраном вниз.

– О чем было первое предложение?

– Ну-у… – Она мнется. – Ну что-о… Для родителей очень важно, как растет их ребенок…

– О! – говорю, поворачивая планшет обратно. – Вот это и пишите.

– Но там ведь не так…

Я кладу ей руку на плечо.

– Наша задача – донести до обычной муданжской матери, как надо и как не надо учить ребенка ходить. Нам не надо каждое слово переводить, достаточно, чтобы было понятно. Пишите.

Она хмурится, но пишет. Потом замирает и молча смотрит на экран.

– А можно, – говорит наконец, – я напишу: «Для родителей смотреть, как растет их малыш, – ни с чем не сравнимый опыт»?

– Можно! – широко улыбаюсь я. – Нужно!

Она тут же радостно поправляет. Потом приступает ко второму предложению.

В этот момент у меня заводится радионяня, и я вскакиваю кормить Алэка, который спит в детской. Между прочим, дверь не заперта, а через черный ход может войти кто угодно… Не то чтобы кто-то на Муданге хотел бы причинить вред наследнику трона, но… кто его знает. А вдруг джингош какой завалялся на планете…

Когда я возвращаюсь, Эсарнай добирается уже до третьего абзаца. При этом работает она в таком режиме: читает предложение, откладывает планшет на стол лицом вниз, думает, снова берет планшет и записывает.

– Можно просто файл свернуть, – говорю.

Результатом я вполне довольна, мне остается только показать ей толковый словарь, чтобы искать в нем неизвестные слова: муданжско-всеобщих словарей пока не составили. Клуб расходится в приподнятом настроении уже ночью. Узоры вышиты, статья переведена.

Азамат приходит из офисной части дворца во время вечернего кормления и тут же зависает посюсюкать над отпрыском.

– Котик, – говорю я медовым голосом, – что ты знаешь о дворцовой охране?

– Что ею занимается Ирнчин, – тут же отвечает муж, щекоча Алэкову пятку.

– Не отвлекай человека, – ворчу. – А знаешь ли ты, что задняя дверь никак не охраняется?

Азамат поднимает на меня взгляд и задумчиво хмурится.

– Наверное, не успели еще никого поставить…

– Зато на парадную дверь успели поставить лба, который пытался не пустить Орешницу *вместе со мной*.

– Ну ты разрулила это с Ирнчином?

– Частично. Мы договорились обсудить это позже. Вот скажи, ты знал, что нашим гостям надо записываться заранее? Что я должна составить список своих подруг и подать в отдел безопасности?

Азамат тяжело вздыхает.

– Не знал. Понимаешь, Лиза… Традиционно у Хотон-хон был личный телохранитель, а то и не один. Ирнчин мне об этом напомнил, но… В общем, я подумал, что ты будешь не в восторге от того, что за тобой постоянно будет хвостом ходить посторонний мужик. Поэтому я попросил Ирнчина придумать какую-нибудь другую систему охраны тебя, да и Алэка заодно. Очевидно, он еще не проработал новый план как следует. Не сердись на него, у него и кроме этого забот по горло, а доверять твою безопасность подчиненным он не хочет.

– Боюсь, что его план мне не подходит в принципе, – говорю. – Ладно сейчас, когда я не работаю. Но потом-то я должна быть доступна для пациентов. Конечно, кому не срочно, могут прийти по записи. Но практика показывает, что кому не срочно – те не приходят вовсе или уж по крайней мере приходят не ко мне. Тем более я ведь и на дом выезжаю, заметь, безо всякой охраны. И по улицам хожу одна, а узнать меня может любой младенец. Какой смысл в этих охранных мерах? Одна бюрократия!

Алэк прекращает причмокивать и громко тявкает в поддержку моей позиции.

Азамат отводит взгляд.

– Я бы, конечно, предпочел, чтобы ты не ходила одна и не ездила по чужим людям. Но я знаю, что так не будет! – быстро добавляет он, заслышав, как я набираю в легкие воздуха, чтобы высказаться. – Однако, честное слово, Лиза, мне было бы настолько спокойнее, если бы за тобой кто-нибудь присматривал… Ну сама подумай, а вдруг ты в туннель провалишься опять, одна? А я даже не буду знать, где он был, этот туннель? Да и не могу я гарантировать, что на планете не осталось ни одного джингоша. Муданжцы, конечно, все тебя любят… по идее. Но я не поручусь за каждого, понимаешь? Люди бывают разные и странные. Бывают и сумасшедшие. Бывают злые на весь мир.

– Хорошо, хорошо, я тебя поняла, можешь не продолжать, – останавливаю его. – Я подумаю. Пока что я собираюсь свалить на Дол, там ты за меня не боишься?

– Нет, – улыбается Азамат. – Там у тебя сторож есть.

– Вот и отлично. А здесь ты бы предложил Ирнчину сделать видеофон у двери, чтобы желающие могли позвонить, поговорить со мной от дверей, и я бы сама решила, кого впускать. Мне, надеюсь, ты веришь?

Азамат быстро трет пальцем нижнюю губу, но кивает.

– Верю. Хотя лучше бы тебе не оставаться наедине с чужими людьми, даже если они пациенты… Но ладно, хорошо, договорились. С Ирнчином я этот вопрос проработаю.

– Вот и славно, – улыбаюсь я.

Азамат внимательно смотрит на уснувшего Алэка.

– Ты прямо сейчас полетишь? Или мы успеем… попрощаться?

Я тоже изучаю мордочку мелкого.

– Думаю, если прямо сейчас, то он проснется. Лучше через часок, когда он крепче всего спит…

Примерно через неделю я снова приезжаю в столицу предъявить Янке чадушко и заодно дошить начатый проект в клубе. Эсарнай освоила пересылку файлов по Сети и за это время от скуки одолела пяток статей по гигиене, а потом взяла отгул с целью почитать толковый словарь и поправить свои представления о грамматике всеобщего, а то у нее возникли трудности с некоторыми конструкциями. В целом мне уже кажется, что приставить ее к делу было хорошей идеей. Муданжский она знает, естественно, лучше, чем я, так что мне остается только поправить пару терминов или распутать слишком сложное предложение.

Я плыву по улице, сидя на спине у Пудинга, и уже предвкушаю вечерние посиделки (после недели в обществе Алэка, Тирбиша и Ийзих-хон общения хочется ужасно), но тут мне внезапно звонит Сашка.

– Лизка, привет! Ты сейчас где? – произносит на том конце энергичный Сашкин голос.

– Домой еду… – моргаю.

– Ну ты в столице?

– Да… А зачем тебе?..

– Отлично, топай к космопорту, мы через пятнадцать минут приземлимся.

– Че?.. Кто «мы»?

– Мы с мамой!

Я моргаю и мотаю головой. Что за бред. Мама не летает в космос. С Сашкой я разговаривала пару дней назад, он ничего не говорил про визит на Муданг, да и лететь земными средствами три недели!

– Мы тебе устроили сюрприз, – поясняет Сашка в ответ на мое офигевшее молчание.

– Он вам удался, – выдыхаю я. – Ладно, сейчас свистну Азамата и пойду встречать, раз так…

Я разворачиваюсь и несколько бодрее, чем обычно, гоню Пудинга к дому. Он не слишком доволен, что его заставляют напрягаться, но раз в полгода можно, уж не утомишься. Торможу перед окнами кухни, стучу в стекло и передаю веревочку, повязанную на шее у Пудинга, возникшему в проеме мальчику с вытаращенными глазами. Потом отправляюсь в кабинет Азамата в Канцелярии.

Когда в этот кабинет входишь, все твое внимание тут же поглощает огромный, массивный, инкрустированный сверкающими драгоценными камнями деревянный письменный стол с толстенной столешницей из зеленоватой яшмы. Только те, кто пережил моральную атаку стола, способны заметить, что за ним вообще-то сидит Император и благосклонно улыбается очередному несчастному, подавленному величественным предметом интерьера. Азамат-то, может, и предпочел бы что-то покомпактнее и попрактичнее, но это стол, за которым сидели по крайней мере четыре поколения Императоров, он хранился два века в тайном

музее сокровищ короны, и вот наконец дождался своего часа, так что отказать ему в месте в кабинете Императора было совершенно невозможно.

– Лиза, ты чего такая пришибленная? – с порога озабоченно спрашивает Азамат, отвлекая меня от созерцания рубиновой подставки под письменные принадлежности.

– Я просто очень удивленная. Только что позвонил Сашка, оказывается, они с мамой вот сейчас приземляются у нас в космопорту. То есть здесь, на Муданге!

Азамат удивляется несколько меньше, чем я. Он-то не знает, что вытащить мою матушку из родного сада под силу разве что экскаватору.

– Ну это же отлично, ты ведь давно хотела их навестить! По-моему, очень мило с их стороны нанести нам визит.

– Не вопрос, я очень рада, только как-то уж совсем неожиданно… Да и как они досюда добрались? У Сашки нет денег снять звездолет на пару недель.

– Я думаю, – загадочным голосом начинает бесшумно возникший у меня за спиной Эцаган, – их кое-кто подвез. Алтонгирел мне по секрету рассказал, что ваш брат с ним договорился о перелете с Гарнета сюда. Пойдемте встречать?

– Обязательно. – Азамат подхватывается с места и, уцепив меня за руку, несется по коридору, я едва за ним поспеваю. Он резко тормозит у какой-то двери, засовывает голову внутрь. – Ирнчин, я отойду, тут Лизины родственники приехали. Отложи заседание на завтра.

И мы мчимся дальше.

К высадке мы все-таки опаздываем: из кабинок канатной дороги у подножия горы-космодрома уже вылезают люди. Первыми прибывают капитан Экдал, его брат Эндан, Алтоша и Орвой. Экдал как-то странно выглядит. Азамат вот тоже принялся его рассматривать.

– Да ты никак постригся, друг, – ухмыляется Азамат.

Экдал слегка розовеет.

– Ну, я же вернулся из изгнания и с братом помирился…

– И каково тебе старшим братом командовать?

– Нормально. – Экдал тут же обретает уверенность. – Он ведь всего на год старше.

– Мне надо будет с тобой поболтать, – бросаю я Экдалу, следя взглядом за кабинками.

Из следующей как раз выпадают Сашка с мамой. Вот ведь и правда маму приволок! С ума сойти. Я подхожу поближе.

– *Лизка! Ну наконец-то! Мы чуть не сдохли во время полета, так далеко!*

Меня стискивают и обцеловывают, и только тогда до меня начинает доходить, что это же мои приехали!

– *А чего народу-то столько?* – спрашивает Сашка, крутя головой по сторонам, пока мама протирает очки и поправляет футболку, сбившуюся после бурных приветствий. Футболка зеленая с малиновыми цветами.

Я оглядываюсь. И правда, по всем улицам, выводящим к канатной дороге, стекаются толпы людей. Азамат замечает мою растерянность и отвечает на всеобщем:

– Дома слышат, а травы говорят. Людям любопытно посмотреть на Лизину родню, вы уж извините. Когда прибыли земные целители, тоже вся столица сбежалась.

– Ой, здравствуйте! – Сашка стремительно хватает двумя руками ладонь Азамата, пока не увернулся, и от души трясет. – Я так рад с вами наконец-то встретиться лично!

– Да-да, мне тоже очень приятно, – растерянно бормочет Азамат, нависая над мелким Сашкой, как утес над деревцем.

– *Это и есть муж твой, что ли?* – Мама кивает на Азамата и вздевает очки на нос.

– *Ну да, он самый. Вот, знакомься.*

– *Ух ты, какой большой! Ну иди сюда, иди, мой хороший!* – Она подманивает его рукой.

Азамат вопросительно смотрит на меня и подходит поближе.

– Вот, – говорю, – знакомься, это моя мама. *Мама – Азамат.*

– *Очень приятно*, – по слогам произносит Азамат по-нашему.

Мама издает удивленный смешок и продолжает его подманивать.

– *Наклонись хоть!*

Азамат послушно наклоняется и тут же оказывается в жарких объятиях и троекратно расцелован в обе щеки. Кто-то в толпе не сдерживается и гикает.

– *Хороший, хороший,* – одобрительно сообщает маман, похлопывая совершенно обалдевшего Азамата по плечу.

– *С-спасибо,* – с трудом выдавливает Азамат, изо всех сил стараясь прилично улыбаться.

– *Ну,* – мама упирает руки в боки, – *а где мой внук? Желаю лицезреть!*

– *А он дома,* – говорю. – *Во дворце. Пошли, познакомлю. Только он сейчас спит, как раз успеем пообедать*. Капитан! – кричу на ходу Экдалу. – Кто у вас там по хозяйственной части, скажи, чтобы отвезли багаж к нам во дворец!

– Уже везут, – кивает Экдал.

– *Как доехали?* – Азамат вставляет еще одну из недавно выученных фраз. Акцент у него получается кавказский, смешно.

– *Отлично!* – бодро отвечает Сашка. – *Только очень долго. Мы до Гарнета туннелем, но там очередь сутки!*

Поняв, что мы куда-то направились, толпа расступается, и в ней становятся видны еще знакомые лица.

– *Ой, Янка!* – Сашка кивает в толпу. – *Давненько не виделись! Как она тут, обосновалась?*

– *Вроде да,* – пожимаю плечами. – *Пойдем, сам спросишь.*

Братец забегает вперед и прихватывает Янку за плечи.

– *Здорово! Ну как тебе Муданг? От Лизы-то я уже наслушался.*

– *Нормальный Муданг,* – отмахивается она. – *Заморочек куча, конечно, но терпеть можно. Вот, знакомься, наша с Лизой ученица, Орива.*

Орива, естественно, ничего, кроме своего имени, не разбирает, а на то, что ее представили без спросу, несколько обижается.

– Привет! – радостно говорит Сашка на всеобщем, протягивая руку для пожатия.

Орива смотрит на руку, не понимая, что с ней делать. Янка пытается объяснить, выходит плохо. Сашка теряется. Я начинаю ржать.

– У нас принята другая форма приветствия, – объясняет подошедший Азамат и подманивает пальцем стоящего в толпе Арона. – Арон, знакомься, это брат Лизы, Александр, и их мать.

Арон, просияв, выбирается из толпы, как полагается, скрещивает руки, заложив ладони под мышки, и кланяется. Сашка неуклюже повторяет жест. Маме несколько мешает бюст, так что приходится локти повыше поднять, выходит совсем смешно, в итоге она просто хлопает Арона по плечу.

– *Всех рада видеть!*

Арон вздрагивает и нацепляет широченную улыбку непонимания, Янка покатывается.

– *Мама, познакомься еще, вот это Эцаган, я тебе про него рассказывала…* Эцаган, ты еще наобщаешься с Алтошей, погоди чуток!

Эцаган многословно здоровается и отвешивает поклон. Пока я перевожу любезности, Сашка принимается выпытывать у Азамата какие-то технические подробности устройства муданжских звездолетов. Мы постепенно движемся по радиальной улице к центру.

– *М-да-а, тут по-нашему никто и не говорит…* – протягивает мама, топая рядом со мной впереди процессии. – *И как ты их терпишь?*

– Вот Азамат говорит. Остальные более-менее говорят на всеобщем, для меня-то разница небольшая. А тебе бабушка сколько лет твердила, что надо учить всеобщий? А ты все зачем да зачем. Вот зачем!

– Так кто ж знал, что ты в такую даль замуж выйдешь! А муж твой у тебя учится, что ли?

– Да нет, все у той же бабушки!

– У бабушки?! – ужасаются мама и Сашка хором.

– Бабушка? – Азамат слышит знакомое слово. *– Да, я уже знаком с вашей бабушкой.*

Сашка картинно закатывает глаза.

– Лиза, как ты могла! Ты что, решила совершенно деморализовать своего мужа?

– Да он пока вроде держится. Зато сколько уже всего сказать может!

Азамат вежливо улыбается, делая вид, что что-то понял.

Сашка внезапно обращает внимание на окружающую архитектуру.

– Ого, какие домики! Мам, гляди!

– Да ладно домики, ты смотри, какие цветы! А деревья! Да тут даже трава под ногами – и та декоративная!

Сашка не особо ее слушает, потому что мы как раз проходим женский клуб, торчащий на обочине. Братец останавливается и с любопытством скребет пальцем стену.

– Так вот ты какой, саман! – Он заглядывает в окно и встречается взглядом с вышивающими тетками. У теток глаза становятся размером с мингъ, то бишь старшую монету. *– Ай, там люди!* – Сашка шарахается и принимается ржать.

– Теперь я вижу, что он и правда твой *младший* брат, – ухмыляется Азамат.

Мама тем временем пытается пробраться в чей-то неогороженный палисадник посмотреть цветочки, но Алтонгирел недвусмысленно преграждает ей дорогу. Мама нехотя возвращается на свое место в строю.

– Этот с губами такой смешной! – сообщает она мне шепотом, как будто Алтонгирел может понять. *– Шарахался от меня всю дорогу. Ты ему что, ужасов каких-то про меня нарассказывала?*

– Нет, он просто, наверное, думает, что ты – это я в большой концентрации.

Мама громко хохочет, запрокинув голову.

– Ну ты его и задолбала в таком случае! Слушай, а капитан – такой милый мальчик, вежливый, я, правда, не понимаю ни черта, но что вежливый-то, это слышно! Вообще все такие обходительные, понятно, что ты тут осела!

– Еще бы они были не обходительные с матерью императрицы! – фыркаю я. – Но вообще, конечно, они к женщинам очень трепетно относятся.

– Так и Сашке вроде не хамили. Хотя конечно, если ты императрица… Все время забываю, что это в самом деле. Ух ты-ы-ы, Саша, гляди какое черепашище!

Это мы дошли до «Щедрого хозяина», вестимо. Братец с мамой тормозят как вкопанные и синхронно достают камеры, чтобы запечатлеть это произведение муданжской архитектуры.

– Мы тут осядем или во дворец пойдем? – спрашиваю Азамата.

– Я думаю, будет жестоко так разочаровывать даму, – говорит он, кивая на стоящую на пороге хозяйку в парадном диле, с необъятной пиалой хримги в руках. – Ей, видимо, сказали, что мы в их сторону направляемся.

– Ладно, тогда давай сюда, напугаем моих сурчатинкой, – хихикаю я, подцепляю родичей под локти и влеку ко входу.

Вечером в трактире обычно куча народу и накурено ароматными травами, но сегодня, похоже, хозяйка всех выгнала. Мы располагаемся за почетным – дальним от двери – столи-

ком, а Алтонгирел с Эцаганом и Янка с Оривой – за соседним, чтобы не мешать семейным разговорам, и нас еще до всякого заказа заваливают яствами. За гигантским бараньим окороком, жаренным на камнях, следует сурок в крабьих яблочках и угорь с орехами. Ко всему этому прилагается чан чомы и крошечные чашечки с чаем.

– *Это из этих наперстков предлагается пить?* – вопрошает маменька, брезгливо, двумя пальцами приподнимая чашечку. – *У вас тут чай восьмидесятиградусный, что ли?*

– *Нет, это они так показывают уважение,* – говорю.

– *Ну так скажи им, что мы все поняли, а теперь пусть несут нормальную посуду. Мне все это жирное мясо надо нормальным количеством чая запивать.*

С этими словами она ставит наперсток на поднос хозяйке, которая как раз принесла чайник. Прежде чем я успеваю открыть рот, хозяйка обращает на нас с Азаматом несчастный взгляд и жалобно произносит:

– У меня мельче нету…

– Мельче не надо, – с ободрительной улыбкой говорит Азамат. – Надо крупнее. Принесите им средние пиалы для супа, они будут довольны.

– Но я суп не собиралась подавать! – ахает хозяйка. – А надо?

– Нет. – Азамат улыбается еще миролюбивей. – Они будут пить чай из средних пиал для супа. Это земная традиция.

Хозяйка хлопает глазами, кивает и удаляется.

– Как тут краси-иво… – Сашка осматривает интерьер, благополучно пропустив мимо ушей все чайные баталии. – Сегодня праздник, что ли?

– Нет, – отвечает Азамат, – эти украшения – просто обереги, охраняющие от порчи еды и вредных клиентов.

– А амулета от вредного начальства у вас нет? – ржет Сашка. – Или от соседей-придурков?

Азамат мотает головой, по-муданжски, до упора. Мама в ужасе на него вытаращивается.

– *Лиза, чего это он?*

– *Ничего, это жест «нет».*

– *Жуть какая, он шею-то не свернет?*

– *Эту шею поди сверни!*

– *Тоже верно…*

Возвращается хозяйка с пиалами, расставляет их на столе и наливает чай. Примерно по чайной ложке в каждую. Я зажимаю рот рукой, чтобы не прыснуть. Азамат легонько вздыхает и мягко забирает у хозяйки чайник.

– Давайте я сам, мы и так вас загоняли.

Хозяйка розовеет, широко оскаливается, кланяется и убегает на кухню. Азамат наконец наливает маме полную пиалу чая, все довольны.

– *Ишь ты какой галантный,* – хмыкает мама. – *Не боишься, что уведут?*

– *Честно говоря, не очень. Сама посуди, раз уж до меня пятнадцать лет никто не позарился…*

– *Так чужое интереснее, чем ничейное.*

– *По себе судишь?*

– *Да мне они сроду не нужны, хоть женатые, хоть какие! А вот ты бы за своим присматривала. Тут-то я поняла уже, что тетки странные, но если вы с ним на Землю полетите – вот там глаз да глаз! Найдутся бабы и поумнее тебя, и покрасивей. На императора-то!*

Я корчу рожу в том смысле, что подозревать Азамата в измене – не просто последнее дело, а вообще идиотизм. Азамат тут же вопросительно на меня смотрит, мол, что с матерью не поделила.

– Мама считает, что ты такой потрясный мужик, что мне надо от тебя вилами гонять всех потенциальных соперниц.

До сих пор усилием воли молчавший Алтонгирел не выдерживает и фыркает в пиалу, произведя веер брызг.

– *Вот поэтому пиалы для чая такие маленькие,* – наставительно сообщает Янка, до которой не долетело.

Азамат тем временем собирается с мыслями и, стратегически улыбаясь, говорит маме:

– *Ваша дочь не должна волноваться. Но спасибо за комплимент.*

Мама некоторое время изучает его задумчивым взглядом, потом обращается ко мне:

– *Лизка, будь поосторожнее со своим знойным красавцем. Я тебе говорю, на Земле все бабы будут его.*

– *Вы хотите взять Лизу на Землю?* – хмурится Азамат.

– Мнэт. – Сашка с набитым ртом мотает головой. – Мно вам когда-то пйыдется пйыехать вмэште. Ой, как вкусно! Я хочу сказать, маршал Ваткин хочет вас видеть, а он с Земли не выбирается уже много лет, все-таки пожилой человек. Так что он хотел бы, чтобы вы сами до него добрались. Вы ведь хотите вступить в экономический союз, правда? Ну так маршал вас ждет с распростертыми объятиями, только просит лично встретиться. Он же с вами об этом говорил, разве нет?

– Говорил, – кивает Азамат, не переставая хмуриться. – Но мне теперь не так просто уехать с планеты на несколько недель. Да и требования для вступления в союз мы еще не все выполнили.

– Так я вам говорю, на фиг требования, вас уже ждут!

– Нет, – решительно отвечает Азамат. – Пускай еще подождут. Если моя планета вступит в союз, то с полным правом, а не по прихоти главнокомандующего союзными войсками. Я ни в коем случае не хочу его обижать, но я не хочу и быть у него в долгу. И тем более не хочу, чтобы другие союзники смотрели на нас сверху вниз, дескать, ничего не умеют, только мечами махать, а по знакомству провинтились на теплое местечко. Союз – это сотрудничество, и я там хочу быть на равных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.